

Ў ЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

О БЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

6

1975

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Тўққизинчи йил наشري

6

1965

ЎЗБЕКИСТОН ССР „ФАН“ НАШРИЁТИ

Т О Ш К Е Н Т

А К А Д Е М И Я   Н А У К   У З Б Е К С К О Й   С С Р

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания девятый

6

1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“ УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР И. М. МУМИНОВ (*редактор*), акад. АН УзССР Х. С. СУЛАЙМАНОВА (*зам. редактора*), акад. АН УзССР К. Е. ЖИТОВ, член-корр. АН УзССР К. Н. БЕДРИНЦЕВ, член-корр. АН УзССР Я. Г. ГУЛЯМОВ, член-корр. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, доктор филол. наук Г. А. АБДУРАХМАНОВ, доктор экон. наук А. М. АМИНОВ, доктор экон. наук О. Б. ДЖАМАЛОВ, доктор юр. наук Ш. З. УРАЗЛЕВ, доктор филос. наук К. Х. ХАНАЗАРОВ, канд. ист. наук С. А. АЗИМДЖАНОВА, канд. ист. наук А. К. ВАЛИЕВ (*зам. редактора*), канд. ист. наук Б. В. ЛУНИН, канд. филос. наук М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

И. М. МУМИНОВ

ЗА ДАЛЬНЕЙШЕЕ УКРЕПЛЕНИЕ ТВОРЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ НАУКИ И ЛИТЕРАТУРЫ*

Узбекская советская литература выросла и успешно развивается на благодатной почве социалистической действительности, путем глубокого и всестороннего марксистско-ленинского изучения лучших традиций мировой и прежде всего великой русской литературы. Она является новой и высшей ступенью в художественном развитии узбекского народа.

В лучших произведениях узбекской советской литературы, ее выдающихся деятелей — Х. Хамзы, С. Айни, А. Кадыри, Х. Алимджана, М. Айбека, Г. Гуляма, Шарафа Рашидова, К. Яшена, Уйғуна, Миртемира, Шейхзаде, Абдуллы Каххара, И. Султанова, С. Абдуллы, С. Боролина, М. Шевердина, Зульфийи, Хабиби и многих других в высокохудожественной форме отображены славное прошлое и революционное настоящее, жизнь, быт, традиции, сокровенные мечты и чаяния узбекского народа, идущего рука об руку со всеми братскими народами под мудрым руководством Коммунистической партии Советского Союза к светлым вершинам коммунизма.

В приветствии ЦК КПУз V съезду писателей Узбекистана дана заслуженно высокая оценка творческой работе мастеров художественного слова и предельно четко и ясно определены конкретные задачи, стоящие перед ними.

Здесь нам хотелось бы высказать некоторые пожелания нашим писателям по двум вопросам, имеющим важное значение в формировании и развитии научно-материалистического мировоззрения у советских людей, особенно у нашей славной молодежи.

Пропаганда научных знаний при помощи художественной литературы составляет важную часть коммунистического воспитания трудящихся. Прочно вошла в практику организация коллективных выездов поэтов и писателей вместе с учеными в города и районы республики. На промышленных предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах Узбекистана, в частности в Янги-Ере, Чирчике, Ахангаране и Навои, выступали видные поэты и писатели республики — Гафур Гулям, Хамид Гулям, Миртемир, Аскад Мухтар, Шухрат, Зульфийа, Мирмухсин, А. Иванов, Куддус Мухаммади и многие другие. Кроме того, в работе 36 народных университетов литературы, искусства и эстетики принимают участие, помимо научных сотрудников, многие поэты, писатели, артисты, художники и музыканты.

Необходимо и впредь продолжать и развивать коллективные выступления мастеров художественного слова перед широкой аудиторией рабочих и крестьян. В нашей республике становится традицией выпуск массовых брошюр, посвященных творчеству всемирно известных

---

* В связи с состоявшимся в мае 1965 г. V съездом писателей Узбекистана.

деятелей художественной литературы — Шекспира, Пушкина, Лермонтова, Навои, Махтумкули, Низами, Тагора, а также творчеству советских писателей — Д. Бедного, В. Маяковского, М. Шолохова, Уйгуна, Н. Сафарова, С. Абдуллы, Айбека.

Как известно, классик узбекской советской литературы Хамза Хаким-заде и другие наши писатели создали художественные произведения, в которых беспощадно разоблачалось лицемерие, ханжество, невежество мусульманского духовенства, ярко показывалась научная несостоятельность религиозного мирозерцания вообще и ислама в частности.

Эти художественные произведения в свое время сыграли весьма положительную роль и в настоящее время имеют важное значение в научно-атеистической пропаганде среди широких слоев тружеников городов и сел.

Однако на этом важном участке работы имеются еще серьезные недостатки. Хотелось бы, чтобы наши писатели выступали еще ярче, еще настойчивее, как воинствующие материалисты-атеисты. Ибо художественные произведения, посвященные научно-атеистической теме, активно помогают в нашей борьбе против пережитков религиозного мирозерцания, сохраняющихся еще в сознании некоторых наших людей.

Известно, что для существования религии, религиозных суеверий в нашей стране нет ни экономической, ни социальной базы, но они существуют в силу привычек, по инерции, а также по ряду объективных причин. Поэтому художественной литературе, посвященной вопросам научного атеизма, в которой ярко и образно, в доходчивой для масс форме вскрывается несостоятельность религиозных верований, должно быть отведено достойное место, ибо она помогает выработке и развитию научного материалистического мировоззрения у подрастающего поколения.

В этой связи хотелось бы, чтобы наши писатели выступали с оригинальными художественными произведениями и по научной фантастике.

В. И. Ленин, говоря о роли фантазии, писал, что фантазия есть качество величайшей ценности¹.

В. И. Ленин очень высоко ценил высказывания Писарева по вопросам фантазии, который считал, что мечта, фантазия — это строительные леса, помогающие человеку в жизни. Фантазия помогает человеку созерцать воображением своим в цельной и законченной картине то самое творение, которое только начинает складываться под его руками. Мечта человека, когда она здоровая, — поддерживает и усиливает энергию трудящегося человека, вдохновляет его на славный труд и ратные дела.

Разумеется, если фантазия лишена реальной почвы и в ней имеются лишь обаятельные видения, то она отравляет и разрушает человеческий организм, как опиум. Мы решительно выступаем против подобной беспочвенной мечты и фантазии.

Известное положение В. И. Ленина о том, что сознание человека не только отражает и отображает действительный мир, но и творит его, имеет колоссальное значение для художественного осмысливания современной бурной эпохи, когда советский человек создает мощную атомную промышленность, сложные кибернетические, вычислительные устройства; когда советский человек осваивает миллионы гектаров целинных и залежных земель, превращая их в цветущие районы нашей необъятной Родины; когда советский человек бороздит безграничные просторы космоса, создавая великолепную ракетную промышленность; когда советский человек, изменяя природу, изменяет и собственную природу, становится ду-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 125.

шевно еще более красивым, духовно совершенным, нравственно чистым, являясь признанным всеми знаменосцем сотрудничества и дружбы между народами. Как же нам не говорить о прекрасном настоящем и не мечтать о еще более прекрасном будущем нашей замечательной Родины, получающей дань уважения от всего прогрессивного человечества!

Общеизвестно, что прогрессивная литература всегда была тесно связана с научными достижениями своего времени. Например, Алишер Навои еще в XV в. писал:

«Тимурхон наслидин Султон Улугбек,
К Олам кўрмади султан анигдик.
Онинг анбон жинси бўлди барбод,
К давур аҳли биринди айламас ёд.
Ва-лик ул илм сори топти чун даст,
Кўзи Олинда бўлди Осмон паст.
Расадкин боғламиш зибужаҳондир,
Жаҳон ичра Яна бир Осмондур.
Билди бу науъ илм осмони,
К ондин ёзди зич куркони»².

В этих строках столько печали и страданий за трагическую судьбу Улугбека, чувства решительного протеста против феодальной реакции и столько чувства прекрасного, чувства радости и гордости за научную деятельность труженика науки Улугбека.

Наше советское время — время расцвета материальных и духовных сил народа, и советская литература, наряду с прославлением труда рабочих и крестьян, героизма и мужества народа-богатыря, воспекает и возвышает достижения советской науки. Именно поэтому хочется, чтобы наши ученые-литературоведы и языковеды были тесно связаны с писателями, а писатели были творчески связаны с нашими учеными, как общественоведами, так и естественными учеными. Здесь их взаимосвязь и взаимовлияние весьма плодотворны.

Коллектив Института языка и литературы Академии наук Узбекской ССР подготовил к изданию «Историю узбекской советской литературы» в одном томе на русском языке. Эта книга, выпускаемая Издательством «Наука» в Москве, познакомит с узбекской литературой и ее мастерами не только народы Советского Союза, но и читателей всего мира. «История узбекской советской литературы» оснащена универсальным аппаратом. В «Хронике», прилагаемой к «Истории...», детально отражена литературная жизнь Узбекистана за прошедшие 47 лет.

Вместе с тем успешно ведется работа над трехтомной «Историей узбекской советской литературы». Первый том ее уже подготовлен к печати. К 50-летию Советской власти трехтомная история будет издана полностью.

Трудно переоценить значение этих работ. Помощь наших уважаемых писателей в издании этих трудов крайне необходима, и эта помощь с благодарностью будет принята научной общественностью Академии наук республики.

Мы твердо убеждены в том, что наши писатели, руководствуясь Программой КПСС, создадут новые высокоинтеллектуальные, высокопартийные, высокохудожественные произведения, отображающие нашу героическую современность и тем самым внесут достойный вклад в строительство счастливой коммунистической жизни.

² А. Навои, Хамса, Ташкент, литогр. изд., 1901, стр. 266.

М. М. КАРИЕВ

О МАТЕРИАЛЬНОМ СТИМУЛИРОВАНИИ ПРОИЗВОДСТВА ХЛОПКА

Мартовский Пленум ЦК КПСС 1965 г., обсудив вопрос «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР», вскрыл существенные причины, тормозившие развитие сельскохозяйственного производства за последние годы, и наметил действенные меры по дальнейшему подъему всех отраслей сельского хозяйства страны.

Пленум ЦК КПСС решительно осудил всякие проявления субъективизма, волюнтаризма в хозяйственной политике, попытки игнорирования объективных экономических законов общественного развития.

Особое внимание Пленум обратил на вопросы повышения материальной заинтересованности тружеников села в развитии общественного производства, эффективного использования таких могучих рычагов, как цена, себестоимость, финансы, кредит, хозяйственный расчет, играющих важную роль в обеспечении рентабельности колхозов и совхозов, всех отраслей сельского хозяйства.

Вопросы усиления личной материальной заинтересованности трудящихся в общественном производстве, в неуклонном повышении производительности труда всегда находились в центре внимания В. И. Ленина. Так, разоблачая мелкобуржуазную сущность утверждений Троцкого об ударности в производстве и уравнительности в распределении, В. И. Ленин указывал, что «ударность есть предпочтение, а предпочтение без потребления ничто... Предпочтение в ударности есть предпочтение и в потреблении. Без этого ударность — мечтание, облачко»¹.

Советский народ под руководством Коммунистической партии, построив социализм, получил реальную возможность распределять совокупный общественный продукт в интересах обеспечения своего материального благосостояния и общественного развития, т. е. сочетания личной и общественной заинтересованности на основе расширенного социалистического воспроизводства.

Достигнутый при социализме уровень развития общественного производства позволяет осуществлять распределение только по труду, исходя из его количества и качества. Кроме того, при социализме сохраняются еще существенные различия между умственным и физическим, квалифицированным и неквалифицированным трудом, между городом и деревней и другие причины, которые также выдвигают объективную необходимость распределения по труду, а не по потребности членов общества. Поэтому при социализме и в период развернутого строительства коммунизма сохраняются присущие данной фазе общественного развития форма распределения и принцип личной материальной заинтересованности трудящихся в общественном производстве. В. И. Ленин

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 212.

учил, что строить социализм и вести десятки миллионов людей к коммунизму надо «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете»².

Разрабатывая вопросы повышения личной материальной заинтересованности работников, в частности труженников села, В. И. Ленин указывал конкретные пути материального стимулирования. Это — всемерное совершенствование системы ценообразования и государственных заготовок сельскохозяйственных продуктов, улучшение системы взимания налогов, сельскохозяйственного кредита, организация встречной продажи промышленных и продовольственных товаров крестьянам, снабжение их сельскохозяйственными машинами и инвентарем по доступным ценам и т. д.

Таблица 1

Сорт хлопка	Цена 1 т, руб.*		Процент повышения
	до 1949 г.	с 1949 г.	
Отборный	121,0	251,0	207
Первый	115,0	237,0	206
Второй	100,0	206,0	206
Третий	92,0	185,0	201
Четвертый	86,0	170,0	197
Пятый	80,5	154,0	179
Шестой	50,0	80,0	160

* В современном масштабе цен.

Коммунистическая партия и Советское государство, развивая эти ленинские положения в зависимости от конкретных условий и с учетом потребностей хозяйственного развития страны, совершенствовали систему материального стимулирования производства сельскохозяйственных продуктов, в том числе хлопка. К ним относятся, в частности, совершенствование условий заготовок хлопка, улучшение снабжения колхозов промышленными изделиями, организация встречной продажи промышленных и продовольственных товаров, совершенствование заготовительных цен, премий и т. д. Периодическое повышение закупочных цен на хлопок было направлено на увеличение доходов колхозов и оплаты труда колхозников на базе роста рентабельности хозяйств. Например, постановлением Совета Министров СССР в 1949 г. было предусмотрено значительное повышение заготовительных цен на хлопок (табл. 1).

Одновременно предусматривалась выплата премий-надбавок за высокий урожай хлопка. В итоге средняя цена 1 т хлопка-сырца повысилась с 137 руб. 76 коп. в 1948 г. до 256 руб. 45 коп. в 1949 г. Такое повышение заготовительных цен безусловно учитывало растущую потребность хозяйств в средствах, связанных с ростом и интенсификацией производства, и необходимость повышения жизненного уровня хлопководов.

Новая существенная поправка в заготовительные цены была внесена Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР 11 августа 1956 г. «О мерах по дальнейшему стимулированию производства и заготовок хлопка». В Постановлении подчеркивалось, что в результате оказания огромной помощи колхозам и совхозам хлопкосеющих республик производство хлопка-сырца в стране в 1955 г. по сравнению с довоенным 1940 г. увеличилось в 1,8 раза. И в этом деле большую роль сыграло, наряду с другими мерами, значительное повышение заготовительных цен в 1949 г.

Введенные с 1 сентября 1956 г. новые посортные цены и премии-надбавки учитывали новые задачи в развитии хлопководства, необходимость стимулирования всех колхозов в расширении и увеличении производства хлопка. За каждый центнер сданного сверх плана хлопка-

² В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 151.

сырца была установлена премия в размере 50% стоимости 1 ц хлопка соответствующего сорта и, кроме того, выплачивалось 50% стоимости за каждый центнер хлопка-сырца, полученного сверх урожая 23 ц/га. Таким образом, в отличие от установленного в 1949 г. порядка, премия стимулировала как перевыполнение плана продажи хлопка, так и достижение высокой урожайности.

Постановление от 11 августа 1956 г. предоставило хлопкосеющим колхозам и ряд других льгот. Так, был сокращен размер натуроплаты за работу МТС — по средневолокнистым сортам на 40%, по тонковолокнистым — на 60%; на 15% была снижена стоимость продаваемых колхозам минеральных удобрений. С 1 января 1957 г. была отменена плата за оросительную воду. Все это привело к росту доходов колхозов от общественного хозяйства в 1956 г. почти на 50% против 1955 г. Изменение порядка выплаты премий способствовало подтягиванию отстающих колхозов до уровня передовых.

Отмечая необходимость повышения материальной заинтересованности трудящихся, В. И. Ленин подчеркивал важность совершенствования системы оплаты и премирования за лучшие показатели в общественном труде. Он писал: «Премии будут недопустимы при системе полного коммунизма, но в переходную эпоху от капитализма к коммунизму обойтись без премий нельзя»³.

Однако вопреки ленинским принципам материального стимулирования, по субъективным соображениям, противоречащим требованиям экономических законов, в 1958 г. была отменена премия-надбавка за высокие урожаи и за перевыполнение планов продажи хлопка-сырца государству. Была отменена также встречная продажа колхозам промышленных и продовольственных товаров, которая способствовала улучшению снабжения колхозников хлебом, особенно в хлопкосеющих районах. Впоследствии была отменена и система контрактации хлопка, основанная на ленинских принципах материальной заинтересованности. Введенная с 1958 г. новая система заготовок устанавливала лишь единые закупочные цены и имела в виду единственную цель — выравнивание доходов колхозов различных зон, отличающихся по природно-экономическим условиям, а также по своему местоположению.

Правда, в последние три года было решено вернуться к контрактации технических культур, в частности хлопка-сырца. Однако действующая ныне система контрактации коренным образом отличается от прежней, существовавшей до 1956 г., поскольку она не предусматривает регулирования ряда экономических отношений, таких как встречная продажа товаров, выдача премий за достижение высокого урожая, перевыполнение планов и т. д.

Нынешняя система контрактации требует значительного совершенствования. Она должна предусматривать, наряду с продажей хлеба колхозам, премирование за высокий урожай, за перевыполнение плана продажи хлопка-сырца государству в порядке, установленном Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР 11 августа 1956 г. Следовало бы, однако, изменить порядок выплаты премий за высокий урожай, установив, что они выплачиваются при достижении урожая хлопка свыше 25 ц/га. В обязательствах государства по контрактации также необходимо предусмотреть регулярное снабжение колхозов запасными частями для всех видов техники.

Единые закупочные цены на хлопок, установленные в 1958 г., конечно, сыграли известную роль в выравнивании доходов сельхозартелей. В связи с этим значительно поднялись доходы тех колхозов, кото-

³ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 98.

рые ранее находились в менее выгодных природно-экономических условиях. Так, по данным 1963 г., характеризующим уровень рентабельности и распределения доходов колхозов республики, можно наблюдать сближение уровня доходов колхозов, находящихся в разных зонах (табл. 2).

Таблица 2

Зона	Средняя реализационная цена 1 т хлопка, руб.	Средняя себестоимость 1 т хлопка, руб.	Средняя рентабельность производства хлопка в зоне, %	Получено дохода с 1 га, руб.		Оплата труда на 1 чел.-день, в % к средней по УзССР
				валового	чистого	
I	398,0	266,7	49,2	685	270	98,6
II	385,2	255,0	51,1	748	320	94,5
III	384,0	260,7	47,3	870	346	112,0
По всем колхозам	388,3	259,7	49,5	760	311	100,0

Из данных табл. 2 видно, что:

1) при самой высокой средней цене на хлопок колхозы I зоны добились в абсолютных цифрах самого низкого дохода в расчете на 1 га посевов хлопчатника, но в относительных цифрах (по уровню рентабельности) они заняли второе место;

2) колхозы III зоны, находящиеся в лучших природно-климатических условиях, при реализации хлопка даже по минимальной цене заняли третье место по уровню рентабельности, но по величине валового и чистого доходов в расчете на 1 га посевов и по фактически произведенной оплате труда они заняли первое место.

Как уже отмечалось, введенные с 1958 г. цены не предусматривают поощрения лучших экономических показателей, таких как достижение высокого урожая и перевыполнение плана продажи хлопка-сырца государству. Следовательно, они не содержат в себе материально-стимулирующего фактора. Этим, в частности, и объясняется то положение, что средняя урожайность хлопчатника в республике на протяжении ряда лет топчется в пределах 21,0—22,7 ц/га. Здесь наряду с нарушением севооборотов, отрицательную роль сыграло отсутствие поощрения высоких показателей производительности труда, т. е. нарушение ленинских положений о необходимости сохранения премий при социализме.

Коммунистическая партия и Советское правительство за последнее время провели ряд важнейших мероприятий, направленных на повышение материальной заинтересованности хлопкоробов. К ним относятся повышение заготовительных цен на хлопок в 1963 г., а особенно предусмотренные решениями мартовского (1965) Пленума ЦК КПСС и последующими постановлениями ЦК КПСС и Советского правительства финансовая помощь и крупные льготы колхозам и совхозам. Достаточно сказать, что от списания долгов по долгосрочным и краткосрочным ссудам, отсрочки остальной части задолженности на 5 лет, отнесения затрат по коренному улучшению земель за счет государства, перехода к обложению подоходным налогом с чистого дохода и других мероприятий колхозы выигрывают около 2,2 млрд. руб.

Принятое в 1963 г. решение партии и правительства о новом повышении цен на хлопок средневолокнистых сортов (по колхозам в среднем на 20% и по совхозам — на 12%) усилило материальную заинтересованность колхозников и рабочих совхозов в увеличении производства хлопка, что видно из следующих показателей:

Сорт хлопка	Цена 1 т хлопка, руб.	
	старая	новая
Первый	350	418
Второй	300	350
Третий	260	300
Четвертый	180	210

Только за 1963 г. валовой сбор хлопка-сырца увеличился на 20,2%, денежная выручка от продажи хлопка государству — на 41,7%, средняя реализационная цена 1 т хлопка-сырца — на 17,7%, фонд оплаты труда колхозников — на 47,6%, оплата одного человека-дня — на 45,1%⁴.

В результате увеличения закупочных цен на хлопок значительно повысились доходы колхозников-хлопкоробов, что видно из следующих данных (в % к 1950 г.)⁵:

	1950 г.	1956 г.	1963 г.
Изменение денежных доходов одного колхозного двора	100	143,6	214,0
Изменение денежных (личных) доходов одного трудоспособного колхозника	100	163,4	236,7

Колхозники и рабочие совхозов Узбекистана ответили на заботу партии и правительства дальнейшим повышением своей трудовой активности и дали Родине в 1963 г. 3689 тыс. т, а в 1964 г. — 3668 тыс. т хлопка, перевыполнив не только государственные планы, но и свои социалистические обязательства.

В 1963 г., по сравнению с 1950 г., колхозы республики добились увеличения своих доходов в два раза, как за счет повышения закупочных цен, так и расширения объема производства. Вместе с тем вырос фонд оплаты труда в абсолютных суммах, увеличившись с 1950 по 1963 г. более чем в 1,4 раза. Однако в относительной своей величине фонд оплаты труда имел все же тенденцию к снижению. Так, в 1950 г. удельный вес этого фонда в общей сумме денежных доходов колхозов составил 59,3%, в 1956 г. — 56,3%, а в 1963 г. — 48,4%. (Для лучшей сравнимости мы пользуемся данными за те годы, когда республика успешно справлялась с выполнением плана производства и продажи хлопка государству). Это объясняется прежде всего значительным ростом производственных расходов колхозов: с 1956 по 1963 г. они возросли почти в 3 раза, а по отдельным элементам затрат — еще более, что видно из следующих данных (в расчете на 1 га посевной площади, руб.):

Статья расходов	1956 г.	1963 г.
Минеральные удобрения	16,9	27,3
Горюче-смазочные материалы	5,2	14,7
Семена (покупные)	4,4	14,2
Текущий ремонт техники	0,9	15,4

Повышение производительных затрат — это результат не только большего применения материальных и денежных средств в целях интенсификации сельского хозяйства, но и значительного роста продажных цен на горючее (в 2 раза), хлопковые семена (почти в 5 раз) и высокой стоимости ремонта техники в мастерских РТС (стоимость ремонта тракторов равнозначна стоимости нового трактора). Нам кажется, что эти цены должны подлежать пересмотру. Существует мнение о том, что рост цен на некоторые промышленные изделия в 1958 г. и в последующие годы компенсирован отменой натуроплаты за работы

⁴ По сводным отчетам колхозов республики.

⁵ По сводным отчетам колхозов республики.

МТС. В известной мере это верно. Но дело в том, что удельный вес производственных затрат в колхозах с 15,7% в 1950 г. поднялся до 23,2% в 1963 г., что не могло не привести к снижению относительной величины удельного веса фонда оплаты труда в общей сумме денежных доходов и, следовательно, к снижению материальной заинтересованности колхозников. В связи с этим, при увеличении общей суммы денежной выручки колхозов УзССР с 1956 по 1963 г. почти на 35% фонд оплаты труда за указанный период вырос только на 17,0%. По сравнению с 1950 г. денежная выручка колхозов возросла в 1963 г. в 2,1 раза, а фонд оплаты труда — лишь на 55%.

Ныне, в соответствии с решениями мартовского (1965) Пленума ЦК КПСС, положение должно в корне измениться. Чтобы не допустить снижения удельного веса оплаты труда и обеспечить всемерное повышение материальной заинтересованности колхозников, необходимо добиваться сокращения производственных затрат, т. е. снижения себестоимости продукции, и производить отчисления в общественные (в частности, неделимые) фонды в соответствии с реальными потребностями развития общественного производства и увеличения культурно-бытового фонда. Известно, что во многих колхозах отчисления в неделимые фонды в прошлом доводились до 30% и выше от общей суммы денежных доходов, а по республике в среднем они доходили до 18,5%.

В результате при огромном росте производства происходило отставание оплаты труда, что не отвечало задаче повышения материальной заинтересованности трудящихся. Необоснованное повышение отчислений в неделимые и другие фонды фактически означает нарушение требований Программы партии о правильном сочетании накопления и потребления при распределении доходов в колхозах.

Решения октябрьского, ноябрьского (1964) и мартовского (1965) Пленумов ЦК КПСС явились важнейшими мероприятиями, направленными на устранение допущенных за последние годы ошибок и практическое выполнение программных требований партии о «сочетании общенародных интересов с материальной заинтересованностью колхозов и колхозников в результатах их труда»⁶.

Главной заботой партии и государства было и остается обеспечение всемерного подъема благосостояния советского народа при гармоническом сочетании общественных и личных интересов трудящихся, повышении их личной материальной заинтересованности в развитии общественного производства. «В Советской стране, — указывается в Программе КПСС, — претворен в жизнь принцип социализма: «От каждого — по способностям, каждому — по труду». Он обеспечивает материальную заинтересованность членов общества в результатах труда, позволяет наилучшим образом сочетать личные и общественные интересы и служит могучим стимулом повышения производительности труда, подъема экономики и благосостояния народа»⁷.

Труженики социалистического сельского хозяйства, в том числе колхозное крестьянство Узбекистана, под руководством КПСС неустанно борются за претворение в жизнь требований Программы партии. В осуществлении грандиозных планов создания материально-технической базы коммунизма и обеспечении неуклонного повышения жизненного уровня советских людей, наряду с организационно-техническими мероприятиями, первостепенное значение имеет всемерное повышение материальной заинтересованности трудящихся в общественном производстве на основе правильного сочетания роста оплаты и производитель-

⁶ Программа и Устав КПСС, М., Госполитиздат, 1962, стр. 138.

⁷ Там же.

ности труда. При сохранении опережающего роста производительности труда должно происходить и соответствующее повышение оплаты труда. Для этого надо, наряду с обеспечением реального выполнения планов, не допускать роста накопления за счет ущемления оплаты труда чрезмерными отчислениями в общественные фонды. В свете решений мартовского (1965) Пленума ЦК КПСС представляется целесообразным перейти теперь к отчислению в общественные фонды от чистого дохода, что будет компенсировано впоследствии за счет роста производства, дальнейшего подъема производительности труда и увеличения доходов колхозов.

Важным источником роста материальной заинтересованности хлопкоробов должно явиться, как уже отмечалось выше, сокращение затрат на производство и снижение себестоимости продукции за счет роста производительности труда и ликвидации непроизводительных расходов. В этом деле большую роль должно сыграть создание в колхозах и совхозах стационарных пунктов технического обслуживания машинно-тракторного парка, предусмотренное Постановлением ЦК КП Узбекистана и Совета Министров УзССР о широком внедрении передового опыта в ремонте и техническом обслуживании машинно-тракторного парка⁸. Это, конечно, обеспечит повышение коэффициента использования техники в колхозах, снижение и ликвидацию непроизводительных расходов.

Не следует забывать, что производительность труда и материальная заинтересованность представляют собой важнейшие факторы в общественном производстве, которые органически дополняют друг друга. Рост производительности труда, при соблюдении научно обоснованных норм затрат, является определяющим фактором и в снижении себестоимости продукции.

В интересах упорядочения оплаты труда в колхозах необходимо практически осуществлять рекомендацию Всесоюзного совещания по совершенствованию оплаты труда работников сельского хозяйства о том, чтобы «экспериментально проверить в отдельных колхозах систему оплаты по расценкам с центнера продукции». Эта система, получившая свое применение в комплексно-механизированных звеньях и бригадах отдельных хлопководческих хозяйств, несомненно является более прогрессивной по сравнению с существующей системой оплаты труда. Она ставит оплату труда в прямую зависимость от конечных результатов деятельности хозяйства.

Вместе с тем мы считаем совершенно ненормальным сохранение еще в значительной части колхозов распределения по трудодням. Изживший себя в современных условиях трудодень не дает работникам уверенности в оплате труда в полной мере, ибо результаты определяются лишь по итогам годовой деятельности хозяйств. Нам кажется, что пора покончить с применением трудодня, который фактически стал уже тормозом в деле внедрения ежемесячной, гарантированной оплаты и других прогрессивных систем поощрения за лучшие показатели труда. Все эти меры будут способствовать дальнейшему росту материальной заинтересованности колхозного крестьянства и повышению его творческой активности в борьбе за дальнейший подъем всех отраслей сельского хозяйства.

⁸ См. газ. «Правда Востока», 20 апреля 1965 г.

С. М. ХОДЖАЕВ

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСПОРТНЫХ СВЯЗЕЙ

(На примере республик Средней Азии)

Интересы коммунистического строительства требуют постоянного совершенствования форм и методов планирования народного хозяйства на основе экономического районирования страны, особенно по крупным экономическим районам.

Каждый из этих районов представляет собой народнохозяйственную единицу, планомерно развивающуюся на основе объективных процессов общественного разделения труда и комплексного развития производительных сил и характеризующуюся, с одной стороны, своей производственной специализацией, а с другой, — развитием широкого районного народнохозяйственного комплекса.

Экономические районы включают в себя группы смежных республик, краев и областей, имеющих тесную взаимную производственно-транспортную связь, а также общий народнохозяйственный территориальный комплекс.

Специфика крупных экономических районов состоит в том, что они являются основными звеньями общесоюзного разделения труда. В пределах этих районов создается такое сочетание природных, экономических и трудовых ресурсов и возможностей, которые обеспечивают углубление комплексного развития их хозяйства и широкое участие в общественном разделении труда по основным отраслям производства. Специализация в масштабе отдельных союзных республик, краев и областей представляет собой часть специализации данного экономического района или отражает процесс территориального разделения труда лишь внутри этого крупного района. В рамках же одной союзной республики и области возможно осуществление специализации отдельных хозяйств местного значения.

Следовательно, в крупных экономических районах сформированы производственно-территориальные комплексы, состоящие из ряда взаимосвязанных отраслей производства межрайонного и внутрирайонного значения.

Экономические районы нельзя устанавливать как произвольно выбранные производственные комплексы. Экономический район — это территориальная часть народного хозяйства, объективно складывающаяся в реальной действительности, с присущими только ей специфическими особенностями, обусловленными общественным разделением труда.

Экономические районы тесно связаны между собой обменом продуктов своего производства. Каждый район включает в себя ряд смежных республик, краев, областей, которые также обмениваются продуктами своего производства. Обмен продуктов осуществляется в больших объемах и связан с огромными транспортными затратами. Поэто-

му выбор рациональной формы организации транспортных связей имеет важное теоретическое и практическое значение. Возникает вопрос, в какой же форме целесообразно исследовать межрайонные транспортные связи — между экономическими или административными районами?

Крупный экономический район по сравнению с административным располагает возможностями систематической разработки балансов производства и потребления по всем важнейшим видам продукции.

Изучение транспортных связей между административными районами не позволяет планомерно воздействовать на формирование рациональной структуры хозяйства республики, края, области, их специализацию и устранять диспропорции в развитии и размещении отдельных отраслей промышленности. Оно не дает необходимого эффекта, тем более если смежные республики, образующие единый экономический район, имеют широкий круг народнохозяйственных проблем, правильное решение которых не может быть обеспечено в пределах одной республики. Особенно это касается среднеазиатских республик, где вопросы ирригации, энергетики, машиностроения, производства минеральных удобрений, нерудных материалов, ядохимикатов, специализации сельскохозяйственных машиностроительных заводов и т. п. необходимо решать в масштабе всей Средней Азии.

Хотя изучение транспортных связей по административным районам и позволяет выявить нерациональные перевозки, вызванные недостатками комплексного развития республик, краев и областей, оно все же не будет способствовать улучшению размещения производительных сил данного района с учетом интересов смежных республик. При организации транспортных связей в рамках республики образуются многочисленные нити грузопотоков по разнообразным грузам, что затрудняет нахождение основного магистрального грузопотока, который является исходной базой для определения главного направления развития магистрального транспорта. Вот почему необходимо исследовать транспортные связи не по административным районам, а по крупным экономическим районам СССР.

Исследование транспортных связей по крупным экономическим районам Союза будет способствовать комплексному развитию и специализации хозяйств, рациональному размещению производительных сил, решению народнохозяйственных проблем республик в масштабе всего экономического района.

Как известно, Средняя Азия включает в себя четыре союзные республики — Узбекскую ССР, Таджикскую ССР, Туркменскую ССР и Киргизскую ССР. В среднеазиатских республиках, имеющих свои особенности в размещении и развитии производительных сил, уровень развития экономики неодинаков даже внутри каждой республики. Это обусловлено своеобразием их географического положения, неодинаковым использованием природных факторов, различной обеспеченностью транспортом, людскими ресурсами и др.

Поскольку каждый крупный экономический район включает в себя смежные республики, области, края, автономные республики, осуществляющие между собой широкие транспортные связи, необходимо определить, в каком направлении следует вести изучение внутрирайонных связей экономического района.

Исследование внутрирайонных связей экономического района возможно по двум направлениям: либо между административными делениями, областями, либо между экономическими подрайонами.

Надо отметить, что исследование внутрирайонных связей по областям не дает необходимого эффекта. Это объясняется нецелесообраз-

ностью решения вопросов развития и размещения производительных сил, специализации и кооперации промышленных предприятий только в пределах одной области.

Исследование внутрирайонных связей в областном разрезе затрудняет выбор основного направления грузопотоков и размельчает их. Раздробленные грузопотоки, в свою очередь, затрудняют выбор транспортных средств для освоения объема перевозок и способствуют нерациональному использованию транспорта.

Таким образом, исследование внутрирайонных связей крупного экономического района в областном делении не решает многих народно-хозяйственных проблем.

Для отдельных смежных областей, имеющих общие природные ресурсы, ирригационную сеть, энергосистему и пути сообщения, характер и сущность транспортных связей в целом одинаковы.

По структуре ввозимых и вывозимых грузов эти области также имеют много общего. Их территориально-хозяйственная взаимосвязанность делает необходимым районирование крупного экономического района, т. е. деление его на экономические подрайоны¹, в разрезе которых и следует рассматривать транспортные связи.

Изучение проблемы рационализации транспортных связей республик Средней Азии и ее экономических подрайонов, на наш взгляд, следует осуществлять поэтапно.

I этап исследования — установление взаимодействия экономического районирования с организацией и планированием транспортных связей. II этап заключается в изучении хозяйства и раскрытии производственного профиля каждого экономического подрайона. III этап содержит анализ трех видов связей: межрайонных, внутрирайонных и внутриподрайонных. IV этап исследования включает в себя составление транспортного баланса по экономическим подрайонам. V этап состоит из разработки научно обоснованных рекомендаций, подкрепленных техни-

¹ Экономическим районированием Средней Азии занимается ныне группа ученых экономистов и эконом-географов, в том числе К. Н. Бедрищев, Э. Ахмедов, М. Н. Листровая (СОПС и Институт экономики АН УзССР), Н. Н. Казанский, П. Е. Семенов (Институт комплексных транспортных проблем (ИКПТ) Госплана СССР), Б. Ф. Павленко (Госплан СССР).

К. Н. Бедрищев выделяет в Средней Азии 10 экономических подрайонов — Ташкентский, Зарафшано-Амударьинский, Ферганский, Нижне-Амударьинский, Сурхан-Вахшский, Памирский, Туркменский, Южно-Казахстанский, Чу-Таласский и Тянь-Шанский.

На составленной в Средазгосплане карте республики Средней Азии разделены на 8 экономических подрайонов — Северо-Киргизский, Ташкентский, Ферганский, Чарджоуско-Самаркандский, Душанбинский, Нижне-Амударьинский, Ашхабадско-Марыйский и Западно-Туркменский.

Б. Ф. Павленко выделяет 11 подрайонов — Западно-Туркменский, Ашхабадский, Восточно-Туркменский, Нижне-Амударьинский, Бухаро-Самаркандский, Ферганский, Ташкентский, Тянь-Шанский, Душанбинский, Фрунзенский и Памирский (Б. Ф. Павленко, Новые пути Средней Азии, М., Госгеографиздат, 1963, стр. 109).

Учитывая специфику исследуемых районов и перспективы дальнейшего развития их хозяйственного комплекса, мы считаем более приемлемой сетку экономических подрайонов Средней Азии, предложенную Б. Ф. Павленко, с некоторыми поправками. Так, на наш взгляд, не следует выделять в самостоятельные экономические подрайоны Памирский и Тянь-Шанский, поскольку территориальная взаимосвязанность, национальные особенности и другие факторы этих подрайонов очень сходны с Душанбинским и Фрунзенским экономическими подрайонами. Кроме того, Памирский и Тянь-Шанский подрайоны в транспортном отношении тяготеют соответственно к Душанбинскому и Фрунзенскому подрайонам. Здесь фактор транспортного тяготения играет главенствующую роль, поэтому следовало бы их объединить. В этом случае лучше сохранится специфическая особенность подрайонов, их производственный профиль будет иметь более ярко выраженный характер и максимально обеспечит комплексное развитие хозяйства.

ко-экономическими расчетами, по рационализации межрайонных связей. VI этап — разработка научно обоснованных рекомендаций с технико-экономическими расчетами по рационализации внутрирайонных и внутриподрайонных транспортных связей. И, наконец, VII этап представляет собой исследование развития транспорта и разработку принципов распределения грузовых перевозок между железнодорожным и автомобильным транспортом.

На первом этапе исследования необходимо установить взаимодействие экономического районирования с организацией и планированием транспортных связей.

На втором этапе нужно глубоко изучить хозяйство каждого подрайона и определить границы административно-экономических единиц с указанием их территории и населения. На этом этапе изучаются экономические связи каждого подрайона в отдельности. Для этого одновременно с установлением количества экономических подрайонов необходимо определить, какие административно-экономические единицы охвачены каждым подрайоном, с указанием их территории и населения. Следует также раскрыть производственный профиль, специализацию экономики подрайона и, в зависимости от характера развития отдельных его территорий, выделить промышленные районы и узлы. Для наглядной иллюстрации целесообразно показать по карто-схеме размещение промышленности по уровню развития автомобильных дорог — по типу покрытия, а железных — по количеству путей.

Известно, что размещение производства и потребления в каждом подрайоне определяет межрайонные и внутрирайонные транспортные связи. Поэтому для выявления их по каждому подрайону нужно выделить отрасли производства, имеющие межрайонное (общесоюзное) и внутрирайонное (среднеазиатское и местное) значение.

Наличие в каждом подрайоне производства межрайонного и внутрирайонного значения делает необходимым осуществление транспортных связей по разнообразным грузам и со многими экономическими районами страны. Для определения общего объема и структуры транспортных связей каждого подрайона, осуществляемых по железным дорогам, необходимо пользоваться отчетными данными о постанционном отправлении и прибытии грузов (форма ЦО-11). Эти данные позволяют показать общие размеры прибытия и отправления грузов по станциям и в целом по подрайону. Прибытие грузов в подрайон — это сумма межрайонных, внутрирайонных и внутриподрайонных связей по ввозу. Равным образом отправление грузов из подрайона определяется суммой связей по вывозу.

Каждый подрайон имеет три вида транспортных связей — межрайонные, внутрирайонные и подрайонные.

Для определения объема и структуры межрайонных и внутрирайонных связей необходимо пользоваться отчетными данными Центральной фабрики механизированного учета Министерства путей сообщения (ЦФМУ МПС), динамической карточкой по каждому роду груза и выполненным месячным планом перевозок Среднеазиатской железной дороги. А для определения внутриподрайонных связей следует пользоваться выполненным месячным планом перевозок Среднеазиатской железной дороги.

Внутриподрайонные связи, помимо железной дороги, осуществляются автотранспортом и по речным путям. Для определения их объема и структуры необходимо пользоваться отчетными данными республиканских министерств автотранспорта и шоссейных дорог, статистических управлений республик Средней Азии, Управления Средазгоспароходства и т. д.

На **третьем** этапе исследования надо провести анализ трех видов транспортных связей — межрайонных, внутрирайонных и внутриподрайонных, показать причины зарождения нерациональных транспортных связей: встречных, дальних, скрыто-встречных и короткопробежных. Анализ должны быть подвергнуты прежде всего грузы основных отраслей промышленности и сельского хозяйства, определяющих производственный профиль данного подрайона.

Особое внимание следует уделять выявлению нерациональных короткопробежных железнодорожных перевозок и возможности передачи их на автомобильный транспорт. Для этого необходимо изучать степень обеспеченности каждого подрайона автодорогами с твердым покрытием и специализацию автопарка.

При выделении нерациональных перевозок надо обратить внимание на имеющуюся диспропорцию между производственными мощностями промышленных предприятий и сырьевой базой, на нарушение пропорциональности и целостности в экономическом развитии хозяйства подрайона. Анализ транспортных связей каждого подрайона необходимо увязывать с комплексным развитием его хозяйства.

Четвертый этап исследования транспортных связей заключается в составлении транспортного баланса как по Средней Азии в целом, так и по ее подрайонам.

Следует отметить, что составление транспортного баланса каждого подрайона или промышленного узла является весьма сложным делом, тем более, что границы административных районов не совпадают с границами подрайонов. Хотя мы располагаем данными об объеме производства и потребления продуктов, определить размеры ввозимых и вывозимых грузов очень трудно даже при помощи отчетных данных ЦФМУ МПС и формы ЦО-11.

Транспортный баланс содержит перечень важнейших грузов, имеющих межрайонное, внутрирайонное и внутрипроизводственное значение. Чтобы определить транспортный баланс любого подрайона Средней Азии и установить, какой груз, в каком количестве и откуда завозится (или вывозится), необходимо пользоваться выполненным месячным планом перевозок грузов Среднеазиатской железной дороги, где указываются станция отправления и назначения, род и количество груза и др.

Выполненный месячный план перевозок позволяет определить объем и структуру межрайонных связей подрайона по вывозу, но не дает возможности выяснить объем и структуру межрайонных связей подрайона по ввозу.

Пользуясь данными формы ЦО-11 и выполненным месячным планом перевозок, можно установить объем и структуру межрайонных связей каждого подрайона. Для этого необходимо из общего размера прибытия грузов вычесть количество завезенных грузов из всех экономических подрайонов Средней Азии. Таким путем выявляются объем и структура транспортных связей по ввозу для тех экономических подрайонов Средней Азии, у которых границы не совпадают с границами административных районов.

Транспортный баланс экономического подрайона — основа планирования транспортных связей. Транспортный баланс должен быть дополнен материалами по территориальным связям (по важнейшим грузам). На основе этих данных и необходимо определять объем и характер межрайонных и внутрирайонных транспортных связей.

В ходе исследования развития и размещения производительных сил и транспортных связей будет выявлен целый ряд недостатков в комплексном развитии экономики подрайона. Поэтому при составлении перспективного транспортного баланса подрайона необходимо исходить

из развития производительных сил и учета устранения выявленных недостатков.

На пятом этапе исследуются проблемы рационализации межрайонных транспортных связей. Зная объем производства и потребления продуктов общесоюзного значения, необходимо разработать научно обоснованные рекомендации по рационализации межрайонных связей Средней Азии в целом и ее подрайонов.

Проблемы рационализации межрайонных транспортных связей необходимо решать комплексно, т. е. с учетом улучшения размещения производства (включая сопряженные производства), совершенствования системы материально-технического снабжения, комплексного использования видов транспорта, наращивания производственных мощностей промышленных предприятий в соответствии с сырьевой базой и нахождением оптимального направления транспортных связей путем линейного программирования. Научно обоснованные предложения по рационализации межрайонных связей должны быть подкреплены технико-экономическими расчетами.

При исследовании проблемы рационализации межрайонных связей особое внимание должно быть уделено устранению имеющихся нерациональных связей, вызванных недостаточным уровнем комплексного развития хозяйства подрайона, неправильным размещением отдельных промышленных предприятий, слабой координацией работы железнодорожного и автомобильного транспорта. Кроме того, необходимо исходить из комплексного развития хозяйства, обеспечивающего минимум затрат общественного труда.

Для устойчивых межрайонных связей Средней Азии должны быть установлены оптимальные направления путем линейного программирования.

С целью рационализации межрайонных связей Средней Азии важное значение имеет обеспечение ее новыми железнодорожными выходами в западные и восточные районы страны. Проблему нового железнодорожного строительства на выходах из Средней Азии необходимо решать, исходя из определения основного направления межрайонного грузообмена изучаемого района с другими районами Союза.

Шестой этап исследования заключается в разработке научно обоснованных рекомендаций по рационализации внутрирайонных и подрайонных связей, которые имеют ряд существенных недостатков.

Прежде всего необходимо достичь комплексного развития хозяйства каждого подрайона, показать возможные и целесообразные пути дальнейшего развития производства, пути устранения имеющихся недостатков и обеспечения соответствия производственной мощности промышленных предприятий сырьевой базе.

Для продуктов промышленности и сельского хозяйства, занимающих большой удельный вес в перевозке грузов между подрайонами Средней Азии, должны быть найдены оптимальные варианты прикрепления пунктов производства продуктов к районам их потребления. При этом необходимо исходить из минимума суммарных затрат на производство и транспорт, для чего нужно учитывать мощности грузопотоков, расстояние перевозки, экономические показатели использования каждого вида транспорта на конкретном участке. Только такой подход позволит выбрать тот или иной вид транспорта или их сочетание, обеспечивающие минимум затрат общественного труда на производство и транспорт.

На основе транспортного баланса подрайона необходимо осуществлять оптимальное прикрепление не только отдельных грузов, а целого экономического подрайона к другим подрайонам. Известно, что каждый

подрайон специализирован на производстве отдельных продуктов, причем это производство носит постоянный, устойчивый характер, поэтому грузопотоки, зарождающиеся в результате специализации хозяйства района, также являются устойчивыми.

В условиях среднеазиатских республик для рационализации их внутрирайонных транспортных связей необходимо разработать оптимальное прикрепление экономических подрайонов по следующим грузам: каменный уголь, нефтепродукты, нерудные грузы, хлебные грузы, хлопок-сырец, хлопковые семена, минеральные удобрения.

В разработке научно обоснованных рекомендаций по рационализации внутрирайонных транспортных связей Средней Азии на основе совершенствования экономического районирования необходимо уделить особое внимание сокращению порожних пробегов подвижного состава.

Объем транспортных связей экономических подрайонов Средней Азии различный: в одних экономических подрайонах погрузка преобладает над выгрузкой, в других — наоборот. Организация и планирование внутрирайонных транспортных связей на основе экономического районирования способствуют выявлению подрайонов с избытком или недостатком порожних вагонов (по роду подвижного состава) и регулированию непроезжих пробегов подвижного состава. Поэтому следует разработать оптимальные варианты регулировки порожняка на Среднеазиатской железной дороге.

На седьмом этапе исследования необходимо изучить развитие транспорта, разработать принципы распределения грузовых перевозок между железнодорожным и автомобильным транспортом.

В исследовании проблемы рационализации внутрирайонных связей Средней Азии особое значение имеет развитие транспорта. Внутрирайонные связи Средней Азии осуществляются железнодорожным, автомобильным и речным транспортом. Уже в настоящее время многие экономические подрайоны испытывают недостаток в конфигурации автомобильных дорог и спрямляющих автодорогах. Техническое состояние многих автодорог не соответствует интенсивности движения автомашин. Протяженность благоустроенных автодорог явно недостаточна, а в результате растут эксплуатационные расходы по автоперевозкам.

В связи с предстоящим развитием промышленности и сельского хозяйства, освоением новых земель строительство автомобильных дорог приобретает важное значение. Задача сводится к тому, чтобы разработать научно обоснованные рекомендации, исходя из конкретных условий эксплуатации, по переходу от одного типа покрытия на другой тип и строительству новых автодорог.

В целях рационализации внутрирайонных связей Средней Азии должны быть разработаны основные принципы распределения грузопотоков между железнодорожным и автомобильным транспортом, сфера применения каждого из них. Эти вопросы должны быть разработаны по методике ИКТП Госплана СССР с учетом конкретных условий эксплуатации в экономических подрайонах Средней Азии.

С. М. Хўжаев

**ТРАНСПОРТ АЛОҚАЛАРИНИ ТАДҚИҚОТ ҚИЛИШ МЕТОДИКАСИ
(Ўрта Осиё республикалари мисолида)**

Ушбу мақолада Ўрта Осиё республикаларида транспорт-экономик алоқаларни ўрганиш асосида районлараро, район ичидаги ва район ичидаги кичик транспорт алоқаларини йирик экономик район кўламида текшириш методикасининг муҳим масалалари кўриб чиқилади.

А. САИДХОДЖАЕВА

О НАЦИОНАЛЬНОМ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ В ИСКУССТВЕ

Проблема национального и интернационального является одной из наиболее актуальных проблем теории и практики советского многонационального искусства.

На современном этапе развернутого строительства коммунизма происходит дальнейшее сближение социалистических наций и все более интенсивный обмен материальными и духовными ценностями между ними, усиливается идейное единство наций и народностей СССР, сближение их культур. Культурная сокровищница каждой нации, как подчеркивается в Программе КПСС, все больше обогащается творениями, приобретающими интернациональный характер. Развивается общая для всех советских наций интернациональная культура.

Эти закономерные процессы находят яркое отражение в искусстве. Появляется все больше произведений, в которых внимание художника сосредоточено на раскрытии общечеловеческих, интернациональных моментов в национальном характере и во взаимоотношениях представителей различных народов СССР. Многонациональное советское социалистическое искусство отражает, таким образом, общие закономерности развития социалистических наций в период развернутого строительства коммунизма.

Развитие советского искусствоведения и эстетической мысли углубило наше понимание национального и интернационального в искусстве и показало, что национальное своеобразие имеется и в форме и в содержании художественного произведения. Национальное своеобразие есть результат многовекового развития истории народа, его экономических, социально-политических, бытовых, природных условий жизни. Отражение богатейшего жизненного опыта данного народа, его культуры, быта, обычаев, характера людей, этики и эстетических вкусов составляет национальный момент в искусстве. Это видно в подходе и оценке художником отображаемого явления действительности, в показе национального характера, в самой тематике произведений искусства. Для раскрытия национального элемента в социалистическом содержании необходима национальная форма выражения, выработанная и сложившаяся на протяжении веков. Под национальной формой мы имеем в виду не только язык (который проявляется, например, в музыке — в особом характере интонационно-ладового строя, ритме, исполнительстве; в живописи — в излюбленных красках, определенных профессиональных навыках; в хореографии — в своеобразных движениях танца и т. п.), но и способ художественного осмысления действительности.

Правильное понимание и использование национальных особенностей наблюдаем мы в картинах и портретах художников А. Абдуллаева, И. Икрамова, Л. Абдуллаева, Р. Ахмедова и др. Например, И. Икрамов

в оформлении изданий сочинений Ибн Сины, Бируни, Навои, Айбека, Г. Гуляма исходил из национального народного орнамента. Его оформление книг глубоко национально и оригинально. Если при оформлении произведений Ибн Сины, Бируни, Навои И. Икрамов подбирает национальный орнамент соответствующей эпохи, то в оформлении книг советских авторов он вместе с национальными чертами вводит новые современные мотивы.

Социалистические преобразования, происшедшие во всех областях жизни народов СССР, не могли не сказаться на развитии национального характера, который обогащается новыми чертами. «У советских людей разных национальностей, — подчеркивается в Программе КПСС, — сложились общие черты духовного облика, порожденные новым типом общественных отношений и воплотившие в себе лучшие традиции народов СССР»¹.

Эти изменения национального характера мы можем проследить на примерах произведений узбекского искусства.

Возьмем, например, характеры главных героев пьесы «Гульсара», написанной К. Яшеном в начале 30-х годов, и героев повести А. Каххара «Птичка-невеличка» и пьесы И. Султанова «Имон»; написанных в начале 60-х годов, и проследим на них, хотя бы в самых общих чертах, отражение развития национального характера узбекского народа.

Социалистическое содержание пьесы «Гульсара» выражается в раскрытии автором революционных преобразований в жизни и быту женщин-узбечек. Образ Гульсары дан в развитии; показано как из робкой, нерешительной женщины, находившейся еще под сильным влиянием старого быта, она в силу сложившихся обстоятельств, в условиях социалистической действительности приобретает качественно новые черты характера, стремится выйти на путь светлой жизни, которую открыла перед ней Советская власть.

В образе Кадыра — мужа Гульсары — драматург также отражает процесс обогащения национального характера новыми чертами. Кадыр — рабочий фабрики, коммунист, стремящийся по-новому построить свою жизнь и семейный быт. Он мечтает вместе с Гульсарой работать на фабрике, ходить в театр, участвовать в общественной жизни. Но вместе с тем Яшен показал его как человека нерешительного и непоследовательного, порою еще уступающего под натиском носителей старого быта и окостеневших традиций.

Саида из повести А. Каххара «Птичка-невеличка», в отличие от Гульсары, — девушка сильной воли и характера. Это идейный руководитель большого колхоза, она сумела разбудить в колхозниках творческую инициативу, самостоятельность. В ней уже нет той забитости, робости, которые были присущи Гульсаре. Недаром венский журнал «*Tagе Visch*» писал, что автор повести раскрыл «новые качества узбекской женщины наших дней: образованность, которая позволяет ей занимать ответственные должности, ее такт и умение проводить собственную линию в организационной работе, такое искусство, с которым ей удается добиваться цели, имеющей важное общественное значение»².

Теперь вспомним образ Камилова, нашего современника, из пьесы И. Султанова «Имон», написанной спустя тридцать лет после «Гульсары». Пьеса рассказывает о нравственных устоях советских ученых, их высокой морали, непримиримости ко всяким пережиткам прошлого. Главным героем произведения является профессор Камилов, талантливый

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., Госполитиздат, 1961, стр. 113.

² Цит. по журн. «Вопросы литературы», 1963, № 6, стр. 62.

вый ученый, принципиальный, кристально честный человек. Его нравственная красота, скромность, интеллект противостоят людям, носящим в себе еще пережитки старой буржуазной морали.

В образе Камилова мы видим, как национальные черты характера обогащаются интернациональными, присущими всем советским людям, воспитанным Коммунистической партией.

Характеры Камилова и Саиды отличаются тем, что в них получили гармоническое сочетание национальные и интернациональные черты, присущие всем советским людям: страстная преданность делу партии и народа, нравственная чистота, высокая сознательность и т. д.

Национальная форма не есть нечто застывшее, раз и навсегда данное. Исторические изменения, происходящие в жизни нации, в национальном характере, влекут за собой изменения и национальной формы искусства. «Исторический опыт развития социалистических наций показывает, — говорится в Программе КПСС, — что национальные формы не окостеневают, а видоизменяются, совершенствуются и сближаются между собой, освобождаясь от всего устарелого, противоречащего новым условиям жизни»³.

Советское искусство — это закономерное продолжение тех замечательных художественных традиций прошлого, которое выработало человечество на протяжении своего многовекового развития. Художественный арсенал узбекского социалистического искусства непрерывно обогащается достижениями советской и мировой культуры. На этой основе вырабатываются общие интернациональные приемы — единый профессиональный язык искусства. Именно такой профессионализм, выросший на основе органического сочетания национальных традиций данного народа и лучших художественных традиций других народов, умелого использования их для раскрытия идейного замысла произведения, является одним из условий доступности и понятности произведений искусства одного народа всем народам СССР и их культурного взаимобогащения.

Например, приемы музыкального развития, наиболее характерные для узбекской народной песни, — секвенциозное, вариационное, мотивно-тематическое и т. п., — мы встречаем и в музыке других народов. Они легли в основу профессиональной музыки.

Узбекский народный танец благодаря своей пластичности и ритмическому разнообразию получил высокую оценку специалистов и обрел всемирное признание. Он имеет элементы классического балета: шэнэ, пируэт и др. Искусствовед Л. Авдеева отмечает, например, что в ферганском танце наличествуют все пять основных позиций классического балета. Узбекский балет должен и впредь развиваться по пути обогащения классического балета лучшими элементами народного танца.

Все это говорит о том, что объективный процесс исторического развития ведет к сближению наций, их культур и национальных форм, к выработке новых социалистических традиций в форме и содержании искусства. Взаимовлияние социалистических наций — это не подражательность. Оно не подавляет национальной самобытности, а пробуждает и развивает творческую фантазию художника. Примером этому могут служить влияние традиций русской литературы на формирование узбекской прозы, влияние азербайджанской и русской музыкальной драмы и оперы на возникновение этих жанров в Узбекистане и т. д.

Изучая историю развития узбекской музыки 20—30-х годов, видишь, как выдающиеся мастера и знатоки восточной музыки (Р. М. Глиэр, С. Василенко, М. Друскин, А. Ф. Козловский, В. А. Успенский и др.)

³ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 115.

теоретически и практически раскрывали колоссальные возможности обогащения узбекской народной музыки лучшими достижениями искусства других народов. Жизнь показала, что нельзя вариться в собственном соку, замыкаться в узких национальных рамках, в отрыве от общего развития музыкальных культур братских народов. Так, например, введение симфонического оркестра не отменило народность, самобытность узбекской музыки, а открыло возможность ее всестороннего обогащения и развития.

Проблема национального и интернационального в музыке находит свое практическое решение в творчестве талантливых композиторов — М. Бурханова, М. Левиева, С. Бабаева, С. Юдакова, А. Мухамедова и др. Интернациональное, оторванное от национальных особенностей, в условиях, когда национальное в социалистическом искусстве сливается с принципом народности, лишает произведение искусства реалистической конкретности. Национальное же вне интернационального в искусстве ведет к отрыву его от общего процесса развития социалистической культуры. Социалистический интернационализм пронизывает всю жизнь миллионов советских людей. Расцвет национальных искусств возможен только через правильное понимание принципов национального и интернационального в искусстве. Как подчеркивается в Программе КПСС, партия не допускает ни игнорирования, ни раздувания национальных особенностей.

Развитию интернационального в искусстве служит и усиление культурных связей между советскими республиками, недели и декады искусства и литературы, выездные выставки живописи, гастрольные поездки артистов и т. п.

В узбекском оперном театре с самого начала его возникновения была принята правильная репертуарная политика — наряду с узбекскими произведениями ставились произведения композиторов братских республик. Так, были поставлены «Аршин-мал-алан», «Наргиз», «Кёр-оглы», «Ер-таргын», «У подножья Саян», «Алмаст» и др. Теперь эта хорошая традиция ознакомления с искусством и жизнью других народов, помогающая интернациональному воспитанию трудящихся, должна получить дальнейшее развитие.

Наследуя и развивая лучшие традиции художественного творчества, укрепляя диалектическое единство национального и интернационального, искусство Узбекистана успешно решает одну из важнейших задач идеологической работы — воспитание нового человека — человека эпохи коммунизма.

А. Саидхўжаева

САНЪАТДАГИ МИЛЛИЙЛИК ВА ИНТЕРНАЦИОНАЛЛИК ҲАҚИДА

Ушбу мақола кўп миллатли совет санъатининг муҳим масалаларидан бирига бағишланади. Санъатда миллийлик ва интернационаллик проблемаси ўзбек совет социалистик санъатининг ривожланиши мисолида кўриб чиқилади.

Т. В. АЗИМОВ

К ИСТОРИИ СОВЕТСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИИ

Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла новую эру в истории человечества — эру социальных, национально-освободительных революций и крушения мировой системы империализма.

Октябрьская революция разбила вековую спячку угнетенных народов Востока и втянула их в активную борьбу с империализмом. В Китае, Индии, Индонезии, Турции, Иране, Афганистане, Египте, Сирии и ряде других стран возникло мощное антиимпериалистическое движение, и весь «гигантский мир колоний и полуколоний превратился в неугасимый очаг революционного движения»¹.

Все симпатии молодого Советского государства с первых же дней его возникновения были на стороне угнетенных народов. Советское государство считало своим интернациональным долгом оказывать всемерную поддержку свободолюбивым народам Востока, борющимся за свою национальную и социальную независимость.

Большую материальную и моральную помощь оказало Советское государство и национально-освободительному движению турецкого народа. В наиболее тяжелые для Турции годы, в период национально-освободительной борьбы 1918—1922 гг., искренняя бескорыстная помощь Советской России явилась одним из решающих факторов, способствовавших успеху национально-освободительной борьбы турецкого народа. Советская Россия была единственным государством, оказавшим поддержку Турции в ее справедливой, освободительной войне против империалистических держав Запада. В первые годы существования молодой Турецкой Республики советско-турецкие отношения, несмотря на отдельные зигзаги во внешней политике Турции, развивались в выгодном для обеих стран направлении.

Политические взаимоотношения между Советской Россией и Турцией начинаются с обращения к В. И. Ленину Мустафы Кемалю² 26 апреля 1920 г., в котором было выражено пожелание установить дипломатические отношения с Советской Россией, а также содержалась просьба об оказании Турции помощи в ее борьбе за независимость.

В. И. Ленин с живейшим интересом и сочувствием следил за национально-освободительной борьбой турецкого народа против империалистов Антанты. В ноябре 1920 г. В. И. Ленин послал записку Народному

¹ Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919—1932. Под ред. Бела Куна, М., Партиздат, 1933, стр. 832.

² Мустафа Кемаль (1880—1938) — выдающийся турецкий политический деятель, основатель Турецкой Республики. В 1934 г. Великое национальное собрание Турции пожаловало ему почетное имя Ататюрк — «Отец турок».

комиссару по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерину с просьбой составить проект ответа на верительную грамоту председателя Великого национального собрания Турции Мустафы Кемаля, врученную В. И. Ленину чрезвычайным послом Турции в РСФСР генералом Али Фуадом Джебесоем³. 7 декабря 1920 г. В. И. Ленин участвовал на заседании ЦК РКП(б), на котором обсуждался вопрос о договоре с Турцией⁴. Во время Московской конференции представителей РСФСР и Турции (февраль-март 1921 г.) Владимир Ильич каждый вечер расспрашивал Г. В. Чичерина о ходе переговоров⁵. В речи на заседании пленума Моссовета 28 февраля 1921 г. В. И. Ленин говорил: «... У нас началась конференция с турецкими делегатами здесь в Москве. Этот факт в особенности надо приветствовать, потому, что ... теперь, когда получается возможность договориться здесь, будет положено начало сближению и дружбе чрезвычайно прочно...»⁶.

Установление дипломатических отношений между Турцией и РСФСР было большим событием в жизни турецкого народа. Оно пробило брешь в возведенной западными державами стене изоляции Турции и способствовало значительному укреплению ее внешнеполитического положения.

Вскоре после установления официальных дипломатических отношений с национальным правительством Мустафы Кемаля Советское правительство принимает решение об оказании Турции помощи — деньгами и оружием⁷. Подписанный в Москве 16 марта 1921 г. Договор о дружбе и братстве между РСФСР и Турцией⁸ — первый равноправный договор, заключенный Турцией, — еще больше укрепил ее международное положение. Значение этого договора состоит в том, что он закладывал основы для развития дружественных отношений между двумя государствами и вместе с тем наносил удар по империалистическим планам колониального закабаления турецкого народа. Договор урегулировал территориальные вопросы, зафиксировал отказ Советского государства от всяких финансовых и имущественных претензий и объявил аннулированным навязанный Турции западными державами и царской Россией режим капитуляций. Договор устанавливал основы, на которых должны были развиваться торговые и экономические отношения между обеими странами. «Осью нашей внешней политики, — писала газета «Хакимияти-миллие» о договоре с РСФСР, — является базирование на Советскую Россию, признавшую с первого же дня за анатолийским движением законное право на существование и поддерживавшую нас как морально, так и материально»⁹.

Договоры о дружбе заключили с Турцией в октябре 1921 г. Закавказские советские республики, а в начале 1922 г. — Украинская ССР. Политическое значение этих договоров для Турции состояло в том, что в дальнейшем они усилили ее позиции на Лозаннской конференции (ноябрь 1922 г. — июль 1923 г.) в дипломатической борьбе с западными державами.

³ См. М. П. Труш, Внешнеполитическая деятельность В. И. Ленина 1917—1920. День за днем, М., Изд-во ИМО, 1963, стр. 283.

⁴ Там же, стр. 285.

⁵ См. Г. В. Чичерин, Статьи и речи по вопросам международной политики, М., 1961, стр. 283.

⁶ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 353.

⁷ См. «Документы внешней политики СССР», т. III, М., Госполитиздат, 1959, стр. 675; т. IV, 1960, стр. 17, 138, 146.

⁸ См. «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», ч. III, М., Литиздат НКВД, 1928, стр. 94—95.

⁹ Цит. по: А. М. Шамсутдинов, Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Турции (1919—1922), в кн.: «Великий Октябрь и народы Востока», М., Изд-во восточной литературы, 1957, стр. 401.

Мустафа Кемаль высоко оценивал ту всестороннюю помощь и поддержку, которую Советская Россия оказывала Турции в ее борьбе с империализмом. Как во время национально-освободительной войны, так и после нее он призывал укреплять дружбу с Советским государством, которую он рассматривал как краеугольный камень внешней политики Турции. «Мы с Россией друзья, — говорил Мустафа Кемаль. — Россия раньше всех стран признала наши национальные права и проявила к нам уважение»¹⁰.

Политические и дипломатические взаимоотношения между Турцией и Советским Союзом строились в 20-х годах на той основе, фундамент которой был заложен В. И. Лениным и Мустафа Кемалем и закреплен Договором о дружбе и братстве от 16 марта 1921 г.

После окончания национально-освободительной войны турецкого народа советско-турецкие отношения еще много лет были дружественными и Советский Союз продолжал оказывать дипломатическую и экономическую помощь молодой Турецкой Республике, борющейся за укрепление своей независимости. Но с течением времени советско-турецкие отношения стали ухудшаться, так как «внешнеполитическая линия правящих кругов Турции изобиловала крутыми поворотами, которые объясняются в каждом конкретном случае действием определенных внутренних и внешних сил»¹¹.

После смерти Ататюрка его преемники, отказавшись от дружбы с Советским Союзом, начали сближаться с империалистическими государствами. Накануне и в годы второй мировой войны турецкие правящие круги устанавливали тесные связи с фашистской Германией, а в послевоенные годы их внешнеполитическая ориентация была подчинена Соединенным Штатам Америки, чему во многом способствовала пресловутая «доктрина Трумэна», навязанная Турции в 1947 г. Пришедшая к власти в 1950 г. клика Баяра — Мендереса, следуя в фарватере империалистической политики США, вела страну к утрате независимости. В октябре 1951 г. Турция вступила в агрессивный Северо-Атлантический союз (НАТО), а в 1955 г. — в Багдадский пакт, переименованный после выхода из него Ирака в Организацию центрального договора — СЕНТО.

Таким образом, историю советско-турецких отношений, на наш взгляд, можно разделить на два крупных этапа.

Первый этап — 1917—1937 гг. В те годы во главе турецкого правительства стоял смелый и дальновидный политик Мустафа Кемаль Ататюрк. «Одна из заслуг Кемалья Ататюрка состояла в том, что он с первых дней национального возрождения Турции и до конца своей жизни стоял за дружбу с Советской Россией и высоко ценил ее значение для процветания своей страны и укрепления ее независимости»¹².

Второй этап — 1938—1960 г.. Этот этап характеризуется тем, что после смерти Кемалья Ататюрка его преемники стали на путь сближения своей страны с гитлеровской Германией и другими империалистическими государствами, что способствовало открытому переходу Турции в антисоветский лагерь мирового империализма.

В турецкой буржуазной исторической и мемуарной литературе этих лет мы видим грубое искажение исторических фактов по вопросам международных отношений, прямую фальсификацию истории советско-турец-

¹⁰ Цит. по: А. М. Шамсутдинов, указ. статья, стр. 405.

¹¹ В. М. Алексеев, М. А. Керимов, Внешняя политика Турции, М., Изд-во ИМО, 1961, стр. 89.

¹² А. М. Шамсутдинов, К вопросу о возвращении Турции к внешней политике Кемалья Ататюрка, в кн.: «Проблемы современной Турции», М., Изд-во восточной литературы, 1963, стр. 59.

ких отношений 1920—1922 гг. Реакционные турецкие историки стремятся очернить светлые страницы советско-турецких отношений, отрицать или представлять в извращенном свете ту поддержку, которую оказала Советская страна турецкому народу в трудные годы его борьбы за национальную независимость.

Роль Советской России в деле завоевания турецким народом своей независимости настолько общеизвестна, что ее признают даже недружественно относящиеся к СССР буржуазные историки. Так, английский историк А. Г. Тойнби в книге, опубликованной им совместно с К. П. Кирквудом в 1927 г., делает следующее признание: «В это время критический момент борьбы, они (турецкие националисты. — Т. А.) пылко схватили руку, которую Россия протянула им, ибо ее поддержка имела громадное значение для их дела. Помимо материальной помощи снаряжением и деньгами, которую они получили от нее, их моральное состояние укрепилось в неизмеримой степени...»¹³ Этот факт признает и немецкий буржуазный историк В. Шетцель. «В военном отношении, — пишет он, — турки нашли сильную поддержку в лице русских, которые снабжали их снаряжением и военными материалами...»¹⁴.

Турецкие буржуазные фальсификаторы — Джебесой, Баюр, Шериф, Арыбурун и им подобные — не могут не знать этого. Они, конечно, хорошо помнят и о стремлении Мустафы Кемала Ататюрка развивать и укреплять советско-турецкую дружбу. Даже Уинстон Черчилль, широко известный своей антипатией к Советскому Союзу, признавал, что «политика Мустафы Кемала была направлена к тому, чтобы добиться тесного единства между русским и турецким народами»¹⁵.

Еще на Эрзерумском конгрессе национальных организаций в июле 1919 г. Кемаль Ататюрк счел необходимым «для укрепления моральных сил» участников конгресса сослаться на воодушевляющий пример «русской нации», которая, «видя, что ее национальная независимость в опасности и подвергаясь со всех сторон оккупации, объединила весь народ и борется против этого всеобщего натиска...»¹⁶.

Ататюрк в своих выступлениях в Великом национальном собрании неоднократно подчеркивал важное значение дружественных отношений с Советской Россией и разъяснял депутатам меджлиса коренное отличие целей империалистических держав, с одной стороны, и целей Советского правительства, — с другой. В одной речи он говорил: «Державы Антанты, вбившие в свои надменные головы намерение быть безраздельно господами и владельцами Восточного мира, прекрасно оценили, что именно в этом господстве и его использовании заключается вся их жизнь и дальнейшее существование»¹⁷. Поэтому они стараются раздавить Турцию. А советские люди, или, как сказал Ататюрк, «добивающиеся освобождения всего угнетенного человечества большевики», прилагают все усилия к тому, чтобы помочь угнетенному турецкому народу и установить с ним настоящую дружбу»¹⁸.

¹³ Arnold G. Toynbee and Kenneth P. Kirkwood, Turkey, New-York, 1927, p. 66.

¹⁴ В. Шетцель, Политические итоги мирных договоров (1919—1925 гг.), М.—Л., Госиздат, 1926, стр. 150.

¹⁵ Уинстон Черчилль, Обзор военных событий. Речь в палате общин 2 августа 1944 года. Отдел печати Великобританского посольства, М., б. г., стр. 19.

¹⁶ Nutuk, Gazi Mustafa Kemal tarafından..., Cilt I, s. 46; Cilt III, s. 28, İstanbul, 1934.

¹⁷ Atatürk'ün söylev ve demeçleri, Cilt I, İstanbul, 1958, s. 92.

¹⁸ Там же.

Советский Союз всегда стремился к поддержанию дружественных добрососедских отношений с Турцией. Эту миролюбивую политику Советское правительство неуклонно проводит и в наши дни, используя в этих целях все благоприятные возможности.

Как известно, пришедшее к власти 27 мая 1960 г. новое турецкое правительство, возглавляемое генералом Джемалем Гюрселем, заявило, что оно намерено следовать принципам внешней политики основателя Турецкой Республики Кемаля Ататюрка.

Приветствуя это заявление, Советское правительство в своем послании от 28 июня 1960 г. отмечало: «Если следование политике Ататюрка со стороны нового турецкого правительства будет претворяться на деле, то мы увидим советско-турецкие отношения возвращенными на тот высокий уровень подлинного добрососедства и настоящей дружбы, на котором находились во времена великого основателя Советского государства и друга восточных народов В. И. Ленина и вождя новой Турции Ататюрка»¹⁹.

В последние годы наблюдаются некоторые сдвиги в развитии советско-турецких отношений. В 1961—1962 гг. между СССР и Турцией были подписаны два протокола к торговому и платежному соглашению 1937 г. (каждый сроком на один год), которыми предусматривалось значительное увеличение товарооборота между обеими странами. Советский Союз поставляет Турции различное оборудование, автомобили, тракторы, сельскохозяйственные машины, прокат черных металлов, лесоматериалы, химические товары и т. д. Советский Союз оказывает также Турции помощь в строительстве промышленных объектов. В 1962 г. близ Стамбула вступил в строй крупный стекольный завод, построенный на кредиты и при технической помощи Советского Союза. Турецкие деловые круги заинтересованы в расширении торговых и экономических связей с СССР, так как они основываются на подлинно равноправных и взаимовыгодных отношениях.

Налаживаются и политические контакты между нашими странами. Летом 1963 г. Советский Союз посетила парламентская делегация Турции. Пожизненный сенатор турецкого меджлиса Кучук в беседе с корреспондентом газеты «Правда» заявил: «Поездка в 1963 году в Советский Союз турецких парламентариев помогла нам убедиться в миролюбии советских людей, в искреннем стремлении Советского Союза к улучшению отношений с Турцией. Мы стали лучше понимать вашу страну, рассеялись многие предвзятые представления и недоверие. Вот почему турецкий парламент считает, что поездка нашей делегации в Москву представляет собой подлинный визит дружбы»²⁰.

По приглашению Министерства иностранных дел СССР с 30 октября по 6 ноября 1964 г. в Советском Союзе гостила делегация Министерства иностранных дел Турции. Этот визит нашел самый широкий отклик в Турции. Можно без преувеличения сказать, что за последние 25 лет турецкая общественность и печать никогда не уделяли столь большого внимания советско-турецким отношениям. Влиятельная стамбульская газета «Джумхурет» отмечала: «Нет ни одного здравомыслящего турка, который бы не желал от всего сердца возрождения советско-турецкой дружбы на основах, заложенных Ататюрком и Лениным»²¹.

4 января 1965 г. по приглашению Великого национального собрания Турецкой Республики с ответным визитом Турцию посетила делегация Верховного Совета СССР. Делегация присутствовала на объединенном

¹⁹ Правда, 1 сентября 1960 г.

²⁰ Правда, 4 января 1965 г.

²¹ За рубежом, № 46 (231), 14 ноября 1964 г.

заседании обеих палат Великого национального собрания. Посланцы Верховного Совета СССР заявили, что цель визита советских парламентариев состоит в том, чтобы ближе узнать жизнь, надежды и планы турецкого народа, лучше понять своего южного соседа и способствовать сближению наших стран и укреплению отношений между ними. Они подчеркнули, что настало время вернуться к хорошим традициям, заложенным Лениным и Ататюрком. Приветствуя благородные цели посланцев Страны Советов, председатель сената турецкого парламента Энвер Ака заявил: «Руководители турецкого правительства одобряют проводимую Советским Союзом политику мирного сосуществования между государствами с различным социальным строем. Нынешние наши отношения являются доказательством жизнеспособности принципов мирного сосуществования. Визит делегации Верховного Совета СССР в Турцию — это продолжение тех отношений, которые были установлены В. И. Лениным и К. Ататюрком»²².

Дальнейшему улучшению добрососедских отношений между нашими странами способствует и состоявшийся в мае 1965 г. визит в Турцию министра иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Установление дружеских отношений между нашими странами отвечает коренным интересам народов Турции и Советского Союза. Советский Союз, верный принципам ленинской политики мирного сосуществования, готов к развитию всесторонних связей с соседней нам Турцией на благо народов наших стран, во имя мира и прогресса.

Т. В. Азимов

СОВЕТ-ТУРК АЛОҚАЛАРИНИНГ ТАРИХИГА ДОИР

Мақолада совет-турк алоқалари тарихини бузиб кўрсатишга, Ғарбининг империалистик давлатларига қарши миллий-озодлик кураши олиб боришда (1918—1922) ёш Совет республикасининг турк халқига кўрсатган буюк ва самимий ёрдами ёритилади.

---

²² Правда, 7 января 1965 г.

М. Ю. ЮНУСОВ

О ТРАДИЦИЯХ И НОВАТОРСТВЕ В СОВРЕМЕННОЙ УЗБЕКСКОЙ ПОЭЗИИ

Одним из актуальных вопросов современной советской литературы является проблема традиции и новаторства. Вопросы традиции и новаторства неразрывно связаны между собой. Новаторство, как правило, вырастает из самой жизни, под благотворным влиянием лучших традиций, а живые традиции немыслимы без новаторства.

Новаторство советской литературы определяется нашим социальным строем, всем ходом общественной жизни, выдвигающей перед литературой и искусством задачу отображения нового в реалистических образах, ярких картинах и типических характерах.

Еще задолго до победы Великого Октября В. И. Ленин в статье «Партийная организация и партийная литература» определил новаторское содержание литературы побеждающего пролетариата, литературы эпохи социализма, о которой он писал: «Это свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды»¹.

Поскольку в основе этой новой, свободной литературы, «оплодотворяющей последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата», лежит идея социализма, постольку новаторский характер советской литературы вообще, узбекской советской литературы в частности, надо искать в ее идейном содержании.

Проблемы традиции и новаторства в советской литературе обсуждаются на совещаниях литературоведов и критиков, на страницах центральной и республиканской печати. Так, в 1960 г. журнал «Звезда Востока» опубликовал несколько статей о традициях и новаторстве с привлечением материалов из узбекской литературы.

В 1962 г. журнал «Вопросы литературы» разработал и предложил ряду писателей анкету, в которой один из 10 вопросов гласил: «Как, по Вашему мнению, советский писатель может и должен учиться у классиков русской и мировой литературы?» Отвечая на этот вопрос, многие писатели высказали интересные мысли, касающиеся проблемы традиций и новаторства. Если Александр Бек писал, что наследие великих классиков — это «высшие литературные курсы для современного писателя», то Сергей Бородин подчеркивал пользу учебы «только в том смысле, чтобы не повторять их» (т. е. классиков). Если Николай Вирта говорит о том, что писатель должен «учиться знать народ» у наших предшественников, «знатоков человеческой души, дум народных», но писать так, как пишет только он, и никто больше, то по мнению Константина Гамсахурдиа, «традиции надо приноравливать к современным требованиям» и т. д.

¹ Сб. «Ленин о культуре и искусстве», М., 1956, стр. 45.

В анкете, разработанной в 1962 г. газетой «Литература и жизнь» под названием «О времени и о себе», был вопрос: «Как вы понимаете традиции и новаторство в литературе? В чем, с Вашей точки зрения, должно проявиться смелое новаторство в разработке тем современности?» По этому поводу многие молодые литераторы высказали самые различные суждения, которые вкратце сводились к следующему. Если писателю есть, что сказать, он всегда найдет для этого соответствующую форму. Если произведение талантливое, то нет надобности добавлять, что это произведение новаторское. Успех в литературе не мыслим без глубокого овладения опытом старшего поколения. Традиция — это не эпигонство, а новаторство — не «модерн». Традиция и новаторство — понятие единое, а не противоположное.

Новаторство в разработке тем современности — это прежде всего открытие нового в человеческих отношениях, в человеческом характере, являющихся отражением социального переустройства мира.

По словам Иоганнеса Бехера, «новое искусство никогда не начинается с новых форм, новое искусство всегда рождается с новым человеком». Красноречивым доказательством правоты этих слов является творчество выдающихся советских поэтов Владимира Маяковского, Демьяна Бедного, Сакена Сейфуллина, Джафара Джаббарли, Самеда Вургуня, Садриддина Айни, Пайрава Сулеймани, Мирзо Турсунзаде, Хамзы Хакимзаде, Гафура Гуляма, Айбека, Уйгуна и других, в новаторских произведениях которых нашли свое отражение новая действительность и образ нового человека.

Замечательный пример новаторской поэзии Маяковского явился большой школой для многих советских поэтов. А. В. Луначарский, характеризуя новаторство Маяковского, подчеркивал следующие его особенности:

- а) протест против старого, торгашеского, буржуазного мира,
- б) бунт Маяковского от молодости, дело не в том, что он молод, поэтому ведет себя вызывающе, а в том, что мир, в котором он родился — одряхлел, обветшал, надо обновлять;
- в) его революционный шаг от мастерства, прежде всего от мастерства формального.

Далее Луначарский писал: «Он почувствовал в себе любовь к слову, почувствовал, что слово ему повинуется, что по его приказу слова строятся в батальоны. Власть над словами в высочайшей степени увлекла его. Ему казалось, что, когда человек не умеет повелевать словами и делает с ними лишь то, что уже делали раньше, то он подобен дирижеру, который приходит в хорошо обученный оркестр и машет палочкой вслед за тем, что уже сыграно самими музыкантами»².

Маяковский стоял у колыбели многонациональной советской поэзии и его опыт служил для наших поэтов великим образцом борьбы за утверждение новой литературы, национальной по форме, социалистической по содержанию.

Зачинатель узбекской советской поэзии Хамза Хакимзаде Ниязи на первом этапе своего творчества написал много газелей и мухаммасов. Однако будучи еще не вполне зрелым поэтом, он, используя национальные художественные формы, не всегда искал новые средства, новые эстетические возможности. Но еще в предреволюционные годы вдохновляемый развивающимся национально-освободительным движением Хамза достигает творческой зрелости. Уже тогда он обращается к песенному жанру. В дни Октябрьской революции и гражданской войны появляются такие его песни, как «Да разве так останется?», «Дорогая Родина

² А. В. Луначарский, Статьи о литературе, М., 1957, стр. 396.

моя — мать», «Мы, рабочие», «Проснись, рабочий!», «Эй-эй, стреляем!», «Да здравствуют Советы!» и многие другие. Это обращение к песне имеет свою идейно-эстетическую мотивировку. Поэт должен был говорить во весь голос о думах и чаяниях народа, петь гимн революции, возвещать о наступлении новой эпохи. Для этих через край плещущих чувств рамки газели были узки, а песня — самая распространенная форма поэзии, хорошо передавала революционные настроения. Его песни, явившиеся подлинным открытием в узбекской поэзии, созданы на основе изучения лучших традиций народного песенного творчества. В них все было ново: и тематика, и образы новых людей, и новые человеческие отношения, и метрика, и система рифмовки, и интонация.

В этот же период много песен и маршей, посвященных революции, написал выдающийся таджикский поэт С. Айни. Одним из первых его маршей был «Марш свободы», о котором Мирзо Турсун-заде писал: «От этой крылатой песни, написанной в боевом революционном духе, начинается летосчисление нашей таджикской советской литературы». В своих новаторских произведениях «Марш свободы» («Марсельеза»), «Марш Интернационала», «Первомайский марш» и других — автор не прибегает ни к старой системе рифмовки, ни к старой метрике, ни к за-костенелой образности. Например, в «Марше интернационала» в каждом куплете первая строка девятисложная, вторая восьмисложная, а все строки припева — семисложные:

„Уйгон дунё ишчиси тургил,
Яқинлашди ойдин кунлар.
Ёруғ дунёга чик, ғайрат қил,
Кўп кутдинг қоронғу кунлар“.

Припев:

„Сўнги уруш бўлар бу,
Қонли уруш бўлар бу.
Байналмилал юруш бу,
Қаттиғ юруш бўлар бу“.

Такое разнообразие количества слогов в одном стихотворении резко отличается от плавного ритма газели. Однако передача революционной мысли поэта оказалась возможной только в новой поэтической форме.

Замечательный узбекский поэт Гафур Гулям пришел в поэзию со стихотворением «Ища красоту» (1923) как новатор. Вопреки ранее сложившимся на Востоке представлениям о красоте, поэт писал:

«Красота — и в стране,
И в тяжелом зерне.
Знай, прекрасен в стране
Труд достойный награда».

Стихи Г. Гуляма — «На путях Турксиба», «Алкоголь», «Знаменосцам», «Стычка», Айбека — «Мой голос», «Днепрострой», «Поход в науку», Уйгуна — «Гнев Назира-ата», «Бригадир Карим», «Гуласаль», Хамида Алимджана — «Долина счастья», «Мы победили», «Что нам Америка» и многие другие — были подлинно новаторскими произведениями.

Все прекрасные образцы узбекской советской поэзии являются плодами творческого сплава старых традиций и новаторства. Например, Г. Гулям, этот замечательный знаток восточной поэзии, не только использовал все образцы и изобразительные средства классической поэзии, но и заставил по-новому звучать метрику аруз («Советским героям», «Сад», «Артиллеристам»). Диалектическая связь традиционного и новаторского ярко проявляется в его поэме «Кукан», где новому видению мира, раскрытию характера главного героя хорошо

служат традиционные приемы — сказочный зачин, длинный размер, напоминающий аруз, и другие изобразительные средства. Как справедливо заметил Аскад Мухтар, эта поэма отличается реализмом и простотой языка. «Мы видим, как поэт сидит с Куканом-батраком в чайхане, мы почти физически ощущаем этого простого дехканина, знаем все его думы и душевные тревоги».

В поэме «Зайнаб и Аман» Х. Алимджан присущим ему ясным, эмоциональным языком рассказывает историю большой и чистой любви двух молодых сердец. Внимательно перечитывая поэму, легко можно уловить благотворное влияние традиций «Фархада и Ширин» Навои. Сюжетная линия «Зайнаб и Аман» во многом напоминает поэму Навои.

В процессе передачи нового содержания и новых чувств старая поэтическая форма видоизменяется, эволюционирует. Например, классическое узбекское четверостишие — рубои очень удачно развивается в творчестве поэтов Шейхзаде, Шукруло, Янгина Мирзы и некоторых других. Не разрушив традиционную форму, советские поэты дали ей новую жизнь, новое звучание. Рубои широко применяется и в творческой практике представителей других национальных литератур — Мамед Рагима, Расула Гамзатова и др.

Интересный материал по проблеме традиции и новаторства в поэзии дает вечно живая тема любви. Каждая эпоха по-своему относится к раскрытию этой неисчерпаемой темы. И прав был Навои, когда он писал:

«Фариб қисса эди ишқим тугонмади ҳеч
Агарчи бўлгани олам биноси айтилади»

(Повесть о любви была удивительная, она рассказывается со дня сотворения мира и не кончается).

Хотя узбекская поэзия в течение многих веков воспевала и романтизировала любовь, после революции эта тема зазвучала по-новому. «Любовь, — по выражению М. Горького, — как тема поэта стала требовать иной окраски». Это отчетливо прослеживается в стихах Г. Гуляма, Уйгуна, Х. Алимджана, А. Умари, Миртемира, М. Бабаева и многих других поэтов.

Поэт Уйгун в стихотворении «Портрет» (1943), мастерски используя образы классической поэзии, создал новаторское произведение. Боец прислал любимой с фронта письмо, в котором просил ее прислать свою фотокарточку. И девушка писала в ответ:

«Ты хочешь лицо мое повидать, —
Оно, как луна, точь-в-точь, погляди.
Ты хочешь кудри мои увидать, —
Не спи — на безлунную ночь погляди.
Ты хочешь брови мои увидать, —
Как тоненький новый месяц они...
А чтобы всю меня повидать,
Разгроми врага, возвращайся с победой».

Стихотворение отличается жизненной правдой и новизной формы.

Одним из самых распространенных образов в классической поэзии служит тюльпан. Начиная с Хорезми, Лутфи, Навои, все поэты обращались к нему. В зависимости от объекта изображения и настроения поэта тюльпан приобретает различные оттенки и эпитеты. То он уподобляется окровавленному от горя сердцу, то пиале с вином в руках виночерпия, то розовой щеке возлюбленной и т. д.

Современные же поэты используют образ тюльпана как символ весны и радости, как средство отражения самых светлых настроений. Зачастую он уподобляется алому советскому знамени. Поэт Шухрат в одном из стихотворений, вошедших в цикл «Кавказская тетрадь», сначала

ла уподобляет тюльпан в горах Грузии пилалушке с грузинским вином (здесь только традиционный образ), а затем продолжает:

„Гўё тонгда ёниқ қолибди
Тунда чўпон ёққан бир чироқ.
Ё альпинист тоғни „олибди“,
Шарафига қадабди байроқ“

(«Тюльпан выглядит как лампа, зажженная ночью чабаном, потушить которую он забыл до рассвета, или как знамя альпиниста, которое он водрузил в честь покорения пика»). Это уже новый образ в узбекской поэзии.

Примеров такого новаторства можно привести очень много.

Следует подчеркнуть, что подлинное новаторство не является самоцелью, оно не имеет ничего общего с заумным трюкачеством формалистов, абстракционистов. Настоящее новаторство в литературе есть прежде всего результат тесной связи художника с жизнью, с народом, глубокого овладения им богатейшими традициями прошлого, стремления по-новому отразить новые явления вечно развивающейся и обновляющейся жизни. Ведь подлинное искусство — всегда в поисках, оно всегда устремлено в будущее.

М. Ю. Юнусов

**ҲОЗИРГИ ЗАМОН ЎЗБЕК ПОЭЗИЯСИДАГИ ТРАДИЦИЯ
ВА НОВАТОРЛИК ҲАҚИДА**

Ўзбек совет шоирлари асарларини таҳлил қилишга асосланган мазкур мақола ҳозирги замон совет адабиётининг энг муҳим масалаларидан бири — традиция ва новаторлик проблемасига бағишланган.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕВКОМА УЗБЕКСКОЙ ССР

Одной из интересных и малоизученных страниц в истории Узбекской ССР, отметившей недавно свой славный 40-летний юбилей, является создание и деятельность Революционного комитета республики, который призван был проделать подготовительную работу по законодательному оформлению УзССР и созданию ее государственного аппарата.

Революционный комитет Узбекской ССР был образован 18 ноября 1924 г. совместным постановлением ЦИКов Советов Туркестанской АССР, Бухарской и Хорезмской ССР. В состав Ревкома вошли: Файзулла Ходжаев — Председатель Совета Народных Назиров Бухарской ССР (Председатель Ревкома), В. И. Иванов — первый секретарь Организационного бюро Компартии Узбекистана, А. Рахимбаев — заместитель Председателя ЦИК Советов ТАСССР, Парса Ходжаев — Председатель ЦИК Советов БССР, Султан-Кари — Председатель ЦИК Советов ХССР, Д. И. Манжара, Д. Ризаев, Р. Исламов, Ч. Имамов, А. Магзумов, Саиджанов, Газиев, Гольдберг (заместитель Председателя Ревкома), Хидыралиев, К. Пулатов и Лукьянов; в дальнейшем в состав Ревкома был введен Председатель Госплана УзССР Ф. Д. Дунаев.

Ревком УзССР, действовавший до созыва I Всеузбекского Учредительного съезда Советов (февраль 1925 г.) как высший законодательный, распорядительный и исполнительный орган власти, проделал большую работу в области государственного, хозяйственного и организационно-правового строительства в Узбекистане.

Практическую деятельность Ревкома УзССР по управлению республикой и проведению организационно-правовых мероприятий можно рассматривать в трех направлениях: 1) по созданию центральных органов государственного управления; 2) по созданию и укреплению местных органов государственной власти и управления и 3) в области социально-экономической жизни республики.

Здесь мы коснемся лишь практической деятельности Ревкома УзССР по созданию центральных органов государственного управления Узбекской ССР. Прежде всего

необходимо подчеркнуть, что само образование Ревкома было началом создания центральных органов государственного управления УзССР.

В своем «Воззвании ко всем рабочим и дехканам Узбекской ССР» Ревком определил важнейшие задачи республики в области политического, экономического и культурного строительства. В этом документе, в частности, говорилось: «Революционный комитет приступает к созданию нового и изменению старого государственного аппарата. Государственный аппарат должен стать активным, гибким, работоспособным, дешевым и больше чем когда-либо раньше близким к широким слоям населения»¹.

С первого же дня своего существования Ревком УзССР развернул работу по организации центральных органов государственного управления республики. Прежде всего для руководства отдельными отраслями государственного управления были созданы народные комиссарнаты Узбекской ССР во главе с народными комиссарами, назначаемыми и сменяемыми Ревкомом.

22 ноября 1924 г. было принято постановление о создании следующих народных комиссариатов: земледелия, финансов, просвещения, здравоохранения, труда, социального обеспечения, внутренней торговли, рабоче-крестьянской инспекции, внутренних дел, юстиции и Центрального Совета народного хозяйства республики². Наркоматы труда, финансов, рабоче-крестьянской инспекции и ЦСНХ были союзно-республиканскими и подчинялись Ревкому, а также одноименным общесоюзным наркоматам. Остальные наркоматы Узбекской ССР являлись центральными органами республиканского значения и всецело подчинялись Ревкому УзССР.

Согласно ст. 51 Конституции Союза ССР 1924 г. общесоюзные наркоматы — по иностранным делам, по военно-морским делам, внешней торговле, путей сообщения, почт и телеграфа — имели своих постоянных представителей-уполномоченных при Ревкоме

¹ ЦГА УзССР, ф. Р-87, оп. 1, д. 1, л. 38.

² Там же, л. 4.

УзССР³, а после образования правительства Узбекистана — при СНК УзССР.

Ревком назначал и сменял народных комиссаров, их заместителей и членов коллегий наркоматов, а также руководителей и членов других центральных учреждений и организаций Узбекской ССР⁴.

Наркоматы и иные центральные учреждения Узбекской ССР создавались на основе наркоматов и других органов отраслевого управления бывшей Туркестанской АССР. В этом состояла одна из особенностей образования центральных органов государственного управления Узбекистана. Например, в Туркменской ССР не было центральных органов отраслевого управления, перешедших от бывших ТАССР, БССР и ХССР. Поэтому Ревком Туркменской ССР 19 ноября 1924 г. принял постановление о создании при нем отделов вместо народных комиссариатов⁵.

Создание отраслевых наркоматов УзССР потребовало от Ревкома принятия соответствующих мер по обеспечению их необходимыми кадрами, материальными средствами и др. Ревком заслушивал отчеты народных комиссаров, утверждал планы работы и др. В конце ноября 1924 г. Ревком предложил центральным учреждениям УзССР разработать проекты соответствующих положений о наркоматах, которые должны были быть представлены для утверждения в Ревком не позднее 1 января 1925 г. Однако по целому ряду причин, главным образом организационного характера, положения о наркоматах УзССР были окончательно разработаны и утверждены только после I Всеузбекского съезда Советов.

Другим важным шагом в деятельности Ревкома было создание 22 ноября 1924 г. Государственной плановой комиссии (Госплан) УзССР. 31 декабря 1924 г. Ревком утвердил «Положение о Госплане УзССР», согласно которому Госплан должен был координировать работу отдельных наркоматов и центральных хозяйственных органов УзССР, составлять единые перспективные планы и т. д.⁶

Госплан УзССР состоял из пяти секций: бюджетно-финансовой, сельскохозяйственной, торгово-промышленной, хлопковой и комиссии по районированию (на правах секции). Постоянно действующим органом Госплана был его Президиум. В отношении областных плановых комиссий Госплан республике являлся директивным органом, регулируя и согласуя их работу в соответствии с планом развития народного хозяйства Узбекистана⁷.

³ История Советского государства и права Узбекистана, т. II, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1963, стр. 14.

⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-87, оп. 1, д. 1, л. 3, 4, 16 и др.

⁵ См. «Туркменская искра», 21 ноября 1924 г.

⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-87, оп. 1, д. 1, л. 87.

⁷ Там же, л. 88.

14 января 1925 г. Ревком УзССР принял постановление об образовании Финансового комитета, на который возлагались распределение резервного, дотационных и прочих фондов, а также изыскание источников покрытия срочных и неотложных финансовых нужд УзССР⁸.

28 декабря 1924 г. Ревкомом была утверждена структура статистических органов УзССР во главе с Центральным статистическим управлением (ЦСУ), а в областях республики образованы областные статбюро. Тогда же был утвержден план работы органов статистики Узбекистана на 1924 — 1925 хозяйственный год⁹.

В конце декабря были образованы Высшая арбитражная комиссия (ВАК) УзССР при Ревкоме, две районные (в УзССР и Таджикской АССР) и областные арбитражные комиссии¹⁰.

Помимо указанных центральных органов республики, в конце 1924 — начале 1925 г. Ревкомом были созданы: Высший совет физической культуры¹¹, Центральное управление архивным делом УзССР¹², Государственное политическое управление¹³, Главный дисциплинарный суд УзССР¹⁴, Комитет содействия сельскому хозяйству¹⁵, Комитет по делам национальных меньшинств, Комиссия по улучшению жизни детей¹⁶, Комитет помощи инвалидам войны (Всеузкомпом), учетная и штатная комиссии, комиссии по торговым, промышленным и кооперативным вопросам, Комиссия по разработке амнистии, Совещание по советскому строительству и оживлению работы Советов и многие другие органы, которые во многих случаях состояли при Ревкоме.

Большая работа была проведена и по организации на территории УзССР системы судебных учреждений. В этом деле важным шагом было создание Верховного Суда Узбекистана. Верховные Суды БССР, ХССР и Туркестанское отделение Верховного суда РСФСР были упразднены¹⁷. 13 декабря 1924 г. Ревком принял постановление о создании Верховного Суда УзССР, утвержденное в составе председателя, двух его заместителей и четырех членов коллегий¹⁸.

Еще одним важным актом Ревкома было принятие им 30 ноября 1924 г. постановления об образовании Полномочного Представительства Узбекской ССР при Президиуме ЦИК Советов и СНК Союза ССР¹⁹. Тогда

⁸ Там же, л. 106.

⁹ Там же, д. 4, л. 29.

¹⁰ Там же, л. 38.

¹¹ Там же, л. 72.

¹² Там же, л. 76.

¹³ Там же, л. 13 — 14.

¹⁴ Там же, л. 98, 99, 102.

¹⁵ Там же, л. 54 — 55.

¹⁶ Там же, л. 59.

¹⁷ См. А. Х. Расулев, Создание и развитие советского суда в Узбекистане, Ташкент, Госиздат УзССР, 1957, стр. 121.

¹⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-87, оп. 1, д. 4, л. 23.

¹⁹ Там же, д. 1, л. 19.

же были назначены Полномочный Представитель и другие руководящие работники полпредства.

В строительстве органов национальной государственности Ревком УзССР придавал большое значение вовлечению широких трудящихся масс в дело советского строительства в центре и на местах. В этом отношении весьма важными являются мероприятия Ревкома по коренизации государственного аппарата республики, означавшей привлечение местных трудящихся к управлению государством. Благодаря этим мероприятиям государственные органы УзССР стали еще более близкими и родными широким слоям рабочих и дехкан.

31 декабря 1924 г. Ревком УзССР, обсудив вопрос о коренизации государственного аппарата Узбекской ССР, принял специальное постановление, согласно которому все наркоматы, центральные, общественные, хозяйственные и кооперативные учреждения и организации должны были создать у себя специальные отделы делопроизводства на узбекском языке с тем, чтобы через них проходили все сношения указанных учреждений с областными и уездными органами и отдельными гражданами из коренного населения.

Для наблюдения за исполнением этого постановления, руководства и инструктирования работы по коренизации госаппарата при Ревкоме была создана Центральная комиссия по коренизации госаппарата, а на

местах — областные комиссии по коренизации областного аппарата²⁰. Центральной комиссии было предоставлено право непосредственного обследования, инструктирования и надзора за проведением в жизнь указанного постановления, а также создания специальных курсов по подготовке технических работников из коренного населения при наркоматах и других центральных учреждениях. Ревком предложил всем наркоматам и другим центральным учреждениям республики включить в свои сметы расходы по содержанию ведомственных курсов и аппарата по параллельному делопроизводству²¹.

Таким образом, в течение трех месяцев (ноябрь 1924 — февраль 1925 г.) Революционный комитет УзССР создал наркоматы и другие центральные органы отраслевого управления, руководил их деятельностью, принимал меры к укомплектованию их работниками, обсуждал и утверждал планы работ, отдавал соответствующие указания по решению неотложных задач, стоявших перед Узбекской ССР. Благодаря деятельности Революционного комитета уже к I съезду Советов Узбекистана были созданы все основные отраслевые органы государственного управления УзССР, которые развернули большую работу во всех областях государственного, хозяйственного и культурного строительства в Узбекистане.

У. Чарьяров

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ФЕРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ (1918 — 1920 ГОДЫ)

(К 40-летию комсомола Узбекистана)

После победы Октябрьской революции по всей стране, в том числе в Узбекистане, начали возникать массовые революционные молодежные организации, образование и укрепление которых проходили под непосредственным руководством Коммунистической партии. Большую работу по организации рабочей молодежи в соответствии с резолюцией VI съезда РСДРП «О союзе молодежи» развернули и коммунисты Ферганы. Уже в конце 1917 г. благодаря активной деятельности кокандских большевиков во главе с Е. А. Бабушкиным среди молодежи типографий г. Коканда возник первый в Ферганской области революционный Союз молодежи «Ленинская дружина». Ею руководил коммунист Георгий Сигин (ныне живущий в Ташкенте). В состав дружины вошли Иван Панкратов, Дуся Чекакина, Соломон Ханмов, Степан Затяляпин, Хусайн Шамс, Исохон Ходжаев — всего около 10 человек¹. Несколькими позже в дружину вступили молодые рабочие шелкоматальной мастерской².

Союз рабочей молодежи Коканда вел активную революционную работу. Он мобилизовал молодежь города на борьбу против контрреволюционной «Кокандской автономии». Силами Союза печатались и распространялись среди населения революционные листовки на русском и узбекском языках. Кроме того, была создана библиотека, ставшая одним из центров революционной пропаганды в городе. Здесь регулярно читались лекции на общественно-политические темы, устраивались коллективные читки «Правды» и других большевистских газет.

Прорыв так называемой «Оренбургской пробки» в сентябре 1919 г. позволил организациям молодежи Туркестана установить прямую связь с РКСМ. ЦК РКСМ постановил образовать Туркестанское краевое бюро РКСМ, которому было поручено создать единую комсомольскую организацию Туркестана. Для оказания помощи молодежи края ЦК РКСМ направил в Ташкент группу комсомольских работников, куда вошли А. С. Щербаков, Н. Н. Пеньков, Карасик (Ташкаров), Г. Завельский, С. Куз-

¹ Ферганская правда, 13 июля 1958 г.

² И. И. Финкельштейн, Первые шаги комсомольцев Туркестана, в кн.: «Боевая молодость», Ташкент, 1959, стр. 11.

²⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-87, оп. 1, д. 1, л. 84 — 85.

²¹ ЦГА УзССР, ф. Р-87, оп. 1, д. 4, л. 60.

нецов, С. Зусман и другие. Посланцы ЦК РКСМ помогли молодежи Туркестана в налаживании работы Союзов молодежи и создании крепкой комсомольской организации. С их помощью в Ташкенте был образован Агитационный комитет под председательством одного из организаторов комсомола Ташкента — В. Г. Колчина. Агитационный комитет содействовал созданию комсомольских организаций на местах и подготовил созыв I съезда комсомола Туркестана.

В начале августа 1919 г. Агитком направил П. Фетисова и О. Шварца в Ферганскую область для преобразования существовавших при партийных комитетах коллективов молодежи в комсомольские организации³.

15 августа 1919 г. представители Агиткома совместно с партийной организацией Андижана созвали общегородское собрание молодежи. На собрании было решено организовать Коммунистический Союз молодежи г. Андижана. В состав городского бюро КСМ были избраны К. Куценко, С. М. Клебанов, Х. Х. Камаев. 12 лучших представителей молодежи вступили в ряды комсомола⁴.

В сентябрьские дни 1919 г., когда банды Мадамин-бека и Монстрова окружили город, первые комсомольцы Андижана получили боевое крещение. Уже к 1 ноября 1919 г. количество членов комсомольской организации города выросло до 50 человек⁵. В эти дни вступили в ряды комсомола Ибрагим Ишанходжаев⁶ (ныне персональный пенсионер), Убайдулла Азизов (в 1937 г. убит в Ханбаде врагами колхозного строя), Салиджан Бабаджанов (погиб в 1922 г. в борьбе с басмачами), Сайфи Зияев (ныне работает начальником горсобеса г. Андижана) и др.

16 ноября 1919 г. общее собрание молодежи г. Ферганы приняло постановление о реорганизации коллектива учащихся и рабочей молодежи в комсомол. Председателем Союза был выбран т. Черкасов⁷. В конце 1919 г. была образована комсомольская организация и в Коканде. 14 декабря на железнодорожной станции Коканд

состоялся многолюдный митинг несоюзной молодежи. Участники митинга приняли следующую резолюцию: «Рабочая молодежь, сознавая, что пролетариату в его борьбе нужно напряжение всех сил, постановила организоваться в ряды РКСМ и под его знаменем, озаренным святой пролетарской наукой, идти на помощь старшим братьям и отцам для борьбы за строительство новой сильной и светлой жизни»⁸. Сразу же после митинга в комсомол вступили 86 человек⁹.

12 января 1920 г. в Коканде открылся I областной съезд комсомола Ферганы. На съезде присутствовали 30 делегатов, представлявших 400 комсомольцев Скобелева, Намангана, Андижана, Ходжента и Коканда¹⁰. Съезд открыл член организационной комиссии Краевого бюро РКСМ С. Кузнецов.

Участники съезда обсудили следующие вопросы: текущий момент, доклады с мест, взаимоотношения партии и Союза, работа среди мусульман, девушек, в Красной Армии и т. д.¹¹

Делегаты рассказали о тех трудных условиях, в которых работали местные комсомольские организации. В резолюции по их докладом отмечалось отсутствие должной связи комсомольских организаций с Областным бюро, указывалось на недостаточную работу среди батрацкой и дехканской молодежи, засоренность комсомольских организаций классово чуждыми элементами. Делегатам было указано, что по возвращении на места они должны принять самые энергичные меры по вовлечению в комсомол передовой трудящейся молодежи.

Руководствуясь решениями VIII съезда РКП(б) и принятой им Программой партии, областной съезд комсомола призвал комсомольские организации Ферганы оказывать повседневною помощь партии во всех ее мероприятиях.

В резолюции по вопросу о работе среди девушек было указано на необходимость усиления работы среди девушек, «подготавливая из них агитаторов путем посылки все большего количества девушек на политические курсы»¹².

Обсудив вопрос «О работе в Красной Армии», съезд одобрил резолюцию II Всероссийского съезда РКСМ, потребовавшего усиления военной работы комсомола и активного участия комсомольцев в борьбе с интервентами, белогвардейцами и басмачами. По вопросам экономическо-правовой работы среди молодежи съезд вынес решение о необходимости «создания при союзах молодежи на местах органов по правовой защите и охране юношеского труда, ко-

³ В Ферганской области с мая по ноябрь 1919 г. существовали коллективы молодежи при парткомитетах в Коканде, Скобелеве, Намангане, Ассаксе, Федченко.

⁴ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 146, оп. 1, д. 70, л. 34.

⁵ Там же, д. 117, л. 24.

⁶ Он работал секретарем уездно-городского комитета комсомола Андижана до 1924 г., а затем — первым секретарем Ферганского обкома комсомола. I съезд комсомола Узбекистана (апрель 1925 г.) избрал его первым секретарем ЦК ЛКСМУз; II съезд ЛКСМУз (март 1926 г.) вновь избрал его первым секретарем ЦК.

⁷ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 146, оп. 1, д. 3, л. 62.

⁸ Известия, г. Коканд, 18 декабря 1919 г.

⁹ Там же.

¹⁰ А. Хамидходжаев, Организация комсомола в Туркестане, Ташкент, Госиздат УзССР, 1957, стр. 192.

¹¹ Известия, г. Коканд, 17 января 1920 г.

¹² Известия, г. Коканд, 18 января 1920 г.

торые должны находиться в тесной связи с инспекциями по охране труда»¹³.

Особое внимание было уделено работе среди молодежи местных национальностей. Съезд отметил крайнюю важность усиления политической работы среди узбекской молодежи¹⁴.

Первый съезд избрал областной комитет комсомола, в состав которого вошли гг. Васильев, Лобынцев, Зателяпин, Бакиев, Фадеев, Черкасов, Сурвилло, Брудневский. Съезд избрал гг. С. Кузнецова и

Е. Итина делегатами на I Краевой съезд комсомола Туркестана.

Таким образом, первый областной съезд комсомола Ферганы организационно оформил Ферганскую областную комсомольскую организацию и наметил ее основные задачи по мобилизации молодежи области на укрепление Советской власти, ликвидацию басмачества и развертывание социалистического строительства в Фергане.

Э. Хаитбаев

О ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РОЛИ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Советский театр — активный помощник Коммунистической партии в деле воспитания трудящихся масс в духе коммунистических идеалов.

Идейно-эстетическое влияние театрального искусства на мысли и чувства людей исключительно велико. Театр — синтетический вид искусства. В отличие, скажем, от живописи и музыки, театр воспроизводит человеческую жизнь не только своими специфическими средствами, но и средствами почти всех других искусств, показывая ее в движении, развитии.

Подобно другим видам искусства, театр воздействует на все стороны духовного мира человека — на его политические, нравственные, эстетические, философские взгляды и потому является важным средством формирования передового мировоззрения.

Советский театр играет важную роль в трудовом воспитании трудящихся, в формировании таких ценнейших нравственных качеств, как патриотизм, коллективизм, товарищество и дружба.

В Программе КПСС указывается, что подготовка человека к трудовой деятельности, трудовая закалка людей, воспитание любви и уважения к труду, как к первой жизненной потребности, составляет суть сердцевину всей работы по коммунистическому воспитанию.

Самое прекрасное в жизни социалистического общества — это труд человека, и у советского искусства нет благороднее задачи, чем правдивое изображение характера нового человека-труженика, всего богатства его духовных интересов, его борьбы против старого, во имя нового.

Одна из важнейших особенностей спектаклей советского театра на современные темы состоит в том, что роль труда в них утверждается как великая сила, посредством которой человек преобразует и изменяет не только окружающую его действительность, но и самого себя, перестраивает свое сознание, свое отношение к миру в целом, активно утверждает новые нормы коммунистической морали. Пафос лучших постановок театров Узбекистана, в том числе театра имени Хамзы, отражающих совре-

менную жизнь узбекского народа, заключается в стремлении раскрыть средствами сценического искусства величие и красоту нашего современника, его дел и помыслов.

Одним из таких спектаклей, неизменно пользовавшихся любовью широкого зрителя, было «Шелковое сюзане» Абдуллы Каххара. Подлинно современное звучание его обусловлено тем, что спектакль появился в момент, когда в республике началась активная борьба за освоение Голодной степи.

Зритель воспринимал спектакль, как правдивый, живой и поэтический рассказ о героических делах и помыслах советских людей. В главных героях пьесы — Дехканбае, Хафизе и других — он узнавал своих современников, настойчиво преодолевающих все трудности в борьбе за превращение Голодной степи в край изобилия и плодородия.

Красота трудовой дружбы, единство творческих устремлений, целей и интересов наших современников в «Шелковом сюзане» нашла свое яркое эстетическое выражение.

Самое ценное в спектакле — это художественное отражение таких нравственных качеств советских людей, как упорство в достижении цели, талантливость, широкий кругозор, сознание общественной важности и значимости своего труда.

В образах Дехканбая, Кузиева, Адиллова зритель ощутил большую духовную красоту советских людей, возвратившихся после тяжелых испытаний войны к мирному труду.

По словам Дехканбая, мир — это не покой, а борьба, наступление. «Что такое мир?» — спрашивает он: «Сидеть в чайхане и разглядывать, как на меду самовара отражаются твои старые награды? Старая слава — это вчерашний день: о нем вспоминают, а думают о завтрашнем... Для меня снова наступили дни большого мирного труда, ордена сверкают, когда они освещают дорогу, лежащую впереди, и перестают сверкать, когда ты остановишься на месте».

Высокие художественные достоинства спектакля «Шелковое сюзане» заключались и в умном, тонком режиссерском решении, и в замечательной игре актеров, которые обусловили современное по духу изображение революционной романтики труда советского человека.

¹³ Известия, г. Коканд, 17 января 1920 г.

¹⁴ Известия, г. Коканд, 18 января 1920 г.

Положительный герой в искусстве социалистического реализма выступает как могучая сила утверждения коммунистического эстетического идеала, коммунистической морали. Именно этим и ценен другой спектакль театра — «Настоящая любовь». Главные мотивы спектакля — верность и любовь, труд и созидание. Органическое единство прекрасных нравственных чувств и трудового пафоса нашли свое яркое сценическое выражение в судьбах героев, в целостном художественном образе наших современников — Мукаддас, Алимджана, Зульфий, Рустама и других героев спектакля.

Любовь, о которой повествует спектакль, играет важную роль в становлении характеров действующих лиц, в раскрытии их нравственного и духовного облика, их отношения к труду, к жизни и обществу. Театр убеждает зрителя в том, что подлинная любовь, основанная на глубоком взаимопонимании и взаимоуважении, помогает людям становиться лучше, чище, трудиться плодотворнее и яснее видеть цели жизни.

Спектакль «Настоящая любовь» отразил сущность современной советской морали, показал, что органическое единство чувства любви и общественного долга возможно только в условиях социалистического общества. Любовь Мукаддас и Алимджана, Рустама и Зульфий — действительно большая, настоящая любовь, имеющая новую нравственную окраску.

Большое воспитательное значение имеет тот факт, что Мукаддас, Алимджан, Рустам, Арсланшер и другие положительные герои пьесы не мыслят своей жизни без труда.

Мукаддас — активный поборник нового, истинно прекрасного не только в семейных отношениях, в быту, но и в общественной и трудовой жизни. Представительница передовой сельской интеллигенции, она по-новому понимает красоту и смысл жизни.

Идейно-эстетическая значимость спектакля «Настоящая любовь» состоит именно в том, что он в яркой художественной форме (пусть еще не исчерпывающе полно и всесторонне) показал и эстетически раскрыл новые течения жизни, процессы формирования новой психологии в характерах наших

современников, рождения новой коммунистической морали.

Алимджан — неутомимый искатель нового. Он много трудился в поисках нового способа выращивания хлопка-сырца, на этом пути он не раз терпел неудачи, но не боялся продолжать начатое дело, хорошо зная, что новое не завоевывается без трудностей и риска. Алимджан твердо уверен в том, что побеждает тот, кто смело дерзает, живет с огнем в сердце, кто уверенно опирается на поддержку коллектива, на новые достижения науки и техники. Поэтому он так тесно связан с ученым — профессором Василием Ивановичем. Здесь драматург перенес в пьесу обычное для нашей жизни явление — органическую связь науки и труда.

Красота людей занятых творческим трудом в колхозе, — вот, что вдохновляет, захватывает чувства и мысли зрителей.

Спектакли театра имени Хамзы «Шелковое созвездие» и «Настоящая любовь» являются глубоко реалистическими, они отражают жизненную правду. Воплощая такие яркие, героические характеры, какими являются Хафиза и Дехканбай, Мукаддас и Алимджан, актеры ищут в них черты быденного, распространенного, встречающегося в нашей повседневной жизни, но вместе с тем умело подчеркивают в них качества необыкновенные, величественные, в высокой степени выражающие дух нашего времени.

Эстетическое значение тех положительных героев, о которых говорилось выше, отнюдь не в том, что они произносят красивые, волнующие слова, а в том, что они являются живыми, конкретными носителями идеала прекрасного, которое выражается в их поступках, а главное — в активном отношении к окружающему миру. Они расширяют и обогащают духовный опыт зрителей, пробуждают чувства трудового патриотизма и коллективизма, содействуют формированию высокой коммунистической сознательности, помогают разобраться в сложных явлениях жизни, заставляя задуматься над насущными требованиями современности, учат трудиться еще более плодотворно, строить прекрасную, светлую жизнь, коммунизм.

К. Офаринов

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В ИНДИИ ДО ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ СТРАНЫ

Классики марксизма-ленинизма всегда уделяли большое внимание положению женщин в обществе и семье. В «Манифесте Коммунистической партии» и ряде других произведений К. Маркс и Ф. Энгельс вскрыли классовую сущность женского вопроса и доказали неразрывную связь раскрепощения женщины с уничтожением капиталистического строя и построением социализма. Ф. Энгельс в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» подчеркивал, что каждая общественно-экономическая формация определяет фор-

му семьи, место и роль женщин в семье и обществе.

Во многих работах В. И. Ленина затрагивается женский вопрос, раскрывается роль и значение участия женщин-работниц в международном рабочем движении, в победе и укреплении диктатуры пролетариата. Подчеркивая, что необходимым условием ликвидации старого, капиталистического строя является вовлечение в политику широких трудящихся масс, В. И. Ленин указывал: «...А втянуть в политику массы нельзя без того, чтобы не

втянуть в политику женщин. Ибо женская половина рода человеческого при капитализме угнетена вдвойне. Работница и крестьянка угнетены капиталом и сверх того они даже в самых демократических из буржуазных республик остаются, — во-первых, неполноправными, ибо равенства с мужской закон им не дает; во-вторых, — и это главное — они остаются в «домашнем рабстве», «домашними рабынями», будучи задвлены самой мелкой, самой черной, самой тяжелой, самой отупляющей человека работой кухни и вообще одиночного домашнего-семейного хозяйства»¹.

Особенно тяжела была женская доля в колониальных и зависимых странах, народы которых изнывали под гнетом иноземных порабитителей. Это ярко видно на примере положения женщин в колониальной Индии.

Подчинение Индии британскими колонизаторами в XVIII в. пагубно сказалось на развитии всей экономики страны, довело ее до полного обнищания, разорило сотни тысяч крестьян и ремесленников, сделало страшные голодовки закономерностью индийской истории. «Нет конца тем насилиям и тому грабежу, — писал В. И. Ленин, — который называется системой английского управления Индией»².

Господство иноземных порабитителей тяжким бременем легло на плечи всего многострадального индийского народа, но особенно ухудшило оно и без того тяжелое положение индийской женщины.

Старшим бичом для женщин были межкастовые связи и ранние браки. Начиная с IV—VIII вв. н. э., в Индии замужество маленьких девочек становится законом, причем родители детей высшей касты не могли выдавать своих дочерей за мужчин из более низкой касты. Своевременно отыскать женихов из равной касты было нелегко, и нередко, когда в семье первой рождалась девочка, ее убивали, якобы за то, что она осмелилась появиться на свет раньше мальчика.

Этот варварский обычай, как утверждает индийский историк Лунья, сохранялся в отдельных районах Южной Индии даже в первой половине нашего века. Ранние браки давали слабое потомство, а замужество девочек в возрасте 8—10 лет за 35—50-летних мужчин обычно кончалось физическим и моральным уродованием жизни женщин.

Выйдя замуж за 35—50-летнего мужчину, молоденькие женщины уже к 15 годам нередко оставались вдовами. А положение вдов в Индии было еще хуже, чем замужних женщин. Вдове запрещалось вторично выходить замуж, ибо по индийским законам она должна была умереть вместе со своим мужем. Те же вдовы, которые оставались жить, владели жалкое существование. Окруженные всеобщим презрением, они

ходили остриженные, с обнаженными руками; им запрещалось принимать пищу чаще, чем один раз в день, встречаться с беременными женщинами, бывать на праздниках и т. д. Ни один мужчина не имел права жениться на вдове под угрозой исключения из касты.

Против мрачных обычаев и патриархальных традиций, закреплявших униженное положение индийской женщины в браке и обществе, на протяжении многих лет выступали прогрессивные слои индийского общества, различные женские организации, такие как «Seva Sadan Society» в Бомбее и Пуне, «Bharat maudal» в Калькутте и Северной Индии, Ассоциация индийских женщин в Мадрасе, имевшие свыше 50 отделений в различных штатах Индии³. Благодаря их усилиям в Индии были проведены некоторые реформы, запрещено детоубийство, а также закон «сати» — самоожожения вдов на погребальном костре покойного мужа. В 1930 г. был принят закон «сарда», установивший брачный возраст для мальчиков с 18 лет, а для девочек — с 14 лет⁴.

С развитием капитализма во второй половине XIX в. и особенно с наступлением эпохи империализма ухудшается и без того тяжелое материальное положение основной массы населения Индии, происходят глубокие изменения в ее социально-экономическом строе. Возникновение капиталистического уклада способствовало развитию фабрично-заводского строительства и формированию в стране национального рабочего класса. Тяжелые социально-экономические условия, массовая нищета, частые голодовки, хроническая безработица, наряду с постепенным изживанием предприсудков в отношении работающих женщин, приводят к тому, что множество молодых девушек и женщин устремляются на фабрики и заводы. Целый ряд женских организаций занимались поисками работы для женщин.

Подчеркивая тяжелое положение женщин в капиталистическом производстве, В. И. Ленин писал: «Мы знаем, что вся тяжесть устарелых правил взваливается на женщину рабочего класса»⁵.

Уже с 70-х годов XIX в. половину рабочих на заводах и фабриках Индии составляли женщины и дети. В 20-х годах нашего столетия были сделаны некоторые попытки улучшить экономическое и социальное положение женщин и детей путем принятия соответствующего трудового законодательства.

В 1920 г. был принят закон о запрещении найма на работу детей младше 12 лет⁶.

³ Woman and education, Paris, UNESCO, 1953, p. 89.

⁴ Б. Н. Лунья, История индийской культуры, М., 1960, стр. 510—511.

⁵ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 185.

⁶ Status women in India, 1947, машинопись, p. 9.

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 368—369.

² В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 178.

В результате значительно сократилось число работающих детей ниже 12-летнего возраста. В 1921 г. из 87 000 работающих детей «только» 13 000 были младше 12 лет, а рабочий день подростков старше 12 лет ограничивался пятью часами. Женщины и дети по этому закону должны были работать только в дневную смену⁷. Однако труд женщин и детей везде оплачивался ниже труда мужчин. Средняя ежедневная зарплата мужчин составляла 1 рупию 8 анн, а женщины получали за эту же работу вдвое меньше⁸.

Надо сказать, что большое число женщин и детей были заняты на слюдяных, щелочных, табачных фабриках и рисоочистительных заводах. Многие из них работали на дому и потому на них не распространялся этот фабрично-заводской закон⁹. На этих предприятиях женщины и дети работали без перерыва и без выходных, по 10—12 часов в день, причем оплата труда детей, особенно младшего возраста, составляла 1 или 2 анна (1/16 — 1/8 рупии) в день¹⁰.

Условия труда на фабриках были невыносимыми. 12-часовой рабочий день в душных, плохо освещенных помещениях, отсутствие выходного дня, хорошего питания и медицинского осмотра пагубно отражались на здоровье рабочих. На фабриках не было ни детских садов, ни яслей, и женщинам приходилось брать с собой на работу маленьких детей, которые часто погибали от антисанитарных условий и несчастных случаев.

С 1937 г. женский труд стал широко использоваться и на шахтах, хотя правительством было формально запрещено нанимать женщин и детей на подземные работы¹¹. Но в результате острой нехватки рабочей силы во время второй мировой войны этот запрет был снят, и в 1944 г. из 126 047 подземных рабочих 19 865 человек составляли женщины. Впоследствии число их увеличилось до 61 427 человек. Средняя ежедневная зарплата в шахтах составляла 8,5 анн, а для подземных работниц — от 4 до 6 анн¹².

Таким образом, развитие капитализма в колониальной Индии привело к еще большему закабалению женщины. Работавшая женщина подвергалась двойному гнету, так как английский капитал эксплуатировал пролетариат не только на своих предприятиях, но и на предприятиях, принадлежавших национальной буржуазии.

В 1947 г. в результате длительной и тяжелой борьбы индийский народ добился, на-

конец, политической независимости страны. 26 января 1950 г. индийское правительство приняло Конституцию, по которой Индия была провозглашена независимой суверенной республикой. В Конституции Индии устанавливаются равные права мужчин и женщин на получение достаточных средств к существованию; «равная оплата за равный труд для мужчин и для женщин»¹³. Был запрещен детский труд на фабриках и заводах. «Ни один ребенок в возрасте до 14 лет, — гласит Конституция, — не может быть принят на работу на фабрику или шахту, а также не может быть занят на любой другой работе»¹⁴.

Предусматривалось также, что через 10 лет после принятия Конституции все дети в возрасте от 6 до 14 лет будут охвачены обязательным школьным образованием¹⁵. В настоящее время это мероприятие проводится в жизнь.

Постепенно улучшались жилищные условия, была налажена медицинская помощь, созданы определенные возможности для получения рабочими образования, установлены выходные дни, организованы кооперативные общества для строительства жилых домов.

Коммунистическая партия Индии, демократическая общественность страны настойчиво добиваются обеспечения юридического и фактического равноправия женщин. В 1948 г. был принят заводской закон, в котором говорится, что 9-часовой рабочий день должен длиться в промежутке между 7 и 18 часами дня для всех женщин, работающих в шахтах, заводах и на плантациях¹⁶. В 1951 г. был принят новый закон, по которому категорически запрещалось использование женского труда на подземных работах¹⁷. Теперь рабочий день длится на угольных копях не 10—11 часов, как это было раньше, а 8 часов, и загрузка углем одной вагонетки стоит не 4, а 15 анн¹⁸.

Вскоре после достижения независимости Индии один из правительственных чиновников заметил: «Я никогда не видел так много работающих женщин. Их можно встретить везде, на каждом заводе и предприятии»¹⁹.

Женщины Индии ведут настойчивую борьбу против феодальных пережитков, сковывающих их свободу. Результатом их борьбы явилось принятие в 1954 г. закона о расторжении брака, по которому женщина получила право на развод, а в 1956 г. последовал закон, разрешающий женщинам второе замужество²⁰.

⁷ Status women in India, 1947, p. 9.

⁸ Там же.

⁹ См. подробнее Р. Мукерджи, Рабочий класс Индии, М., 1952, стр. 115—125.

¹⁰ Там же, стр. 125—128.

¹¹ Status women in India, p. 7.

¹² Там же.

¹³ Конституция Индии, М., 1956; см. также журн. «The March of India», 1957, № 1, p. 33—38.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Women of India, Delhi, 1958, p. 243.

¹⁷ Там же.

¹⁸ New age, 26 December, 1954, p. 7.

¹⁹ Women of India, p. 240.

²⁰ Вимла Фаруки, О продвижении женщин Индии, журн. «Женщины мира», 1961, № 1, стр. 12.

День 1 ноября 1956 г. стал важным событием в истории индийского законодательства, ибо в этот день был принят закон, предоставивший женщинам полное право на наследование имущества и усыновление детей²¹.

После долгих дискуссий и настойчивых требований женщин в июле 1962 г. в Гражданский кодекс Индии был включен закон, запрещающий требовать приданое от невесты²².

Одним из тяжелых последствий колониального прошлого является низкий уровень грамотности индийских женщин. С 1947 г. женские, крестьянские и другие общественные организации развернули борьбу за решение этой проблемы.

Из года в год в Индии растет число начальных и средних учебных заведений, в которых увеличивается число учащихся-девушек. Так, в 1950 г. в школах обучалось 700 000 девочек, а в 1953 г. их стало уже 774 148 человек²³.

«Нет предмета, который не изучала бы современная индийская женщина», — с гордостью пишет Рамешвари Неру²⁴.

Большую и действенную поддержку развитию образования в сельской местности оказывают женские организации различных штатов и провинций, которые являются филиалами одной из крупнейших женских организаций — «Национальной федерации индийских женщин», а также «Общество социального обслуживания», руководительница которого Дургабай Дешмукх — первая женщина, включенная в состав плановой комиссии развития экономики Индии²⁵.

Здесь следует назвать и таких видных

индийских женщин, принимающих активное участие в общественной жизни страны, как Индира Ганди, Ханах Сен, Дханванти Рама Рай, Аччама Матхай и многих других женщин, благодаря настойчивым усилиям которых при поддержке правительства принимаются практические меры по развитию женского образования, здравоохранения, трудового законодательства и т. д.²⁶

С каждым годом в стране становится все больше женщин — стенографисток, телефонисток, продавщиц, врачей, магистров, бакалавров, артистов, юристов. Женщины играют все более активную роль в общественной и государственной жизни. Так, в 1962 г. в Индийском Конгрессе насчитывалась 21 женщина, а в Народной палате — 192 женщины²⁷. В индийской армии имеется немало женщин — военных врачей, в том числе 4 майора, 48 капитанов и 12 лейтенантов. Первая женщина-врач, получившая образование за границей, — Досибая Дадабах основала несколько лет назад первый родильный дом в Бомбее²⁸.

Несмотря на все сложные и противоречивые условия экономического и политического развития молодого независимого государства, индийские женщины становятся все более активными строителями новой Индии.

Очень хорошо сказала об этом славная дочь индийского народа Рамешвари Неру. «Мы, женщины, — пишет она, — сегодня юристы, судьи, канцлеры и вице-канцлеры, профессора и майоры, члены парламента и министры; без участия женщин невозможно представить новое столетие в Индии!»²⁹

Ю. Тешабаева

ВЫДАЮЩИЕСЯ ЗОДЧИИ БУХАРЫ — УСТОД БАКО МЕМОР

Среди архитектурных сооружений Бухары своей высотой и выразительным силуэтом выделяется так называемый «Минор калон» или «Катта минора» («Большой минарет»)¹. Минарет имеет устойчивое основание и прочный фундамент (около 10 м глубиной). Над землей возвышается пятидесятиметровый, слегка суживающийся сверху ствол с фонарем-ротондой. Минарет выложен из квадратного плиточного кирпича

на ганчевом растворе и покрыт облицовочным слесем, выполненным из того же кирпича.

Минарет опоясан ритмическим рядом узорных кирпичных колец, границы которого выделяются тычковым рядом кирпичей. Промежутки между поясами покрыты кирпичным рельефом разнообразного геометрического рисунка. Наверху минарета выполнено в форме круглой ротонды с шестнадцатую стрельчатыми проемами. Простенки проемов объединены ларными колонками. Фонарь увенчан строгим рельефом сталактитов. Под фонарем был размещен пояс с надписью — ранний пример применения поливной майолики в архитектуре Средней Азии.

В архитектурном строе минарета Каляя зрителя захватывает удивительная гармония формы, соразмерность отдельных чле-

²¹ The March of India, March, 1960, p. 17.

²² New age, 14 May 1962, p. 16.

²³ Women of India, p. 262.

²⁴ The March of India, March 1960, p. 5.

²⁵ Women of India, p. 279; The March of India, March 1960, p. 14.

¹ См. о нем: М. Е. Массон, Краткая историческая справка о среднеазиатских минаретах, Ташкент, 1933; В. А. Шишкин, Архитектурные памятники Бухары, Ташкент, 1936; Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, Бухара, М., 1949; Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана, Ташкент, Госиздат УзССР, 1958.

²⁶ Women of India, p. 238.

²⁷ The Times of India, 14 January 1962.

²⁸ Women of India, p. 249.

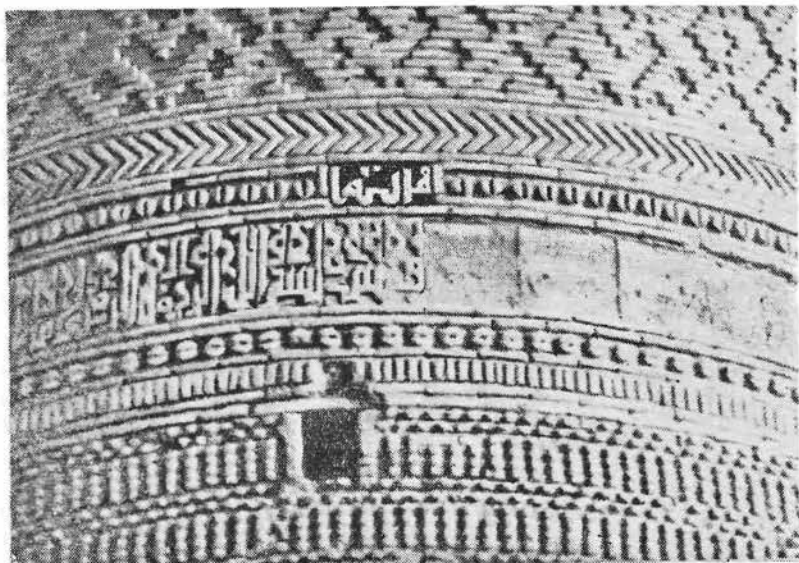
²⁹ The March of India, March 1960, p. 6.

нений, светотеневая игра ажурного геометрического орнамента.

К сожалению, имя зодчего, воздвигнувшего это великолепное сооружение, до последнего времени оставалось неизвестным, и только недавно нам удалось прочесть над-

بیست و یک منار ارا که مئزده مسجد
جامع ست بنا کرد...»⁴

(«Арсланхан приказал построить Масджиди джами в 515/1121 г. и воздвиг минарет в

пись, сделанную зодчим на минарете, и установить имя этого выдающегося архитектора средневековой Бухары.

Надо сказать, что о минарете Калян мы располагаем весьма скудными историческими сведениями. Известно лишь, что в начале XII в. по распоряжению одного из караханидов — Арсланхана было начато строительство минарета с деревянным навершием. По свидетельству современника, «подобного ему не было нигде, так искусно и красиво он был сделан»². Но вскоре минарет рухнул, раздавив находящуюся вблизи мечеть.

Арсланхан приказал на том же месте воздвигнуть новый монументальный минарет. Теперь зодчий учел опыт своего предшественника. «Старались построить как можно прочнее; верх сделали из жженного кирпича»³, — подчеркивает историк.

«История Бухары» Наршахи (X в.), дошедшая до нас в персидском переводе 1128 г., содержит ценные данные о времени постройки минарета. Переводчик точно указывает дату завершения строительства этого грандиозная для того времени сооружения. Он писал: «

«مسجد جامع که ارسلانخان فرمود
در تاریخ پانصد پانزده بود پانصد

² Мухаммад Наршахи. История Бухары, пер. с персидского Н. Лыкошина. Ташкент, 1907, стр. 67.

³ Там же.

качестве мезаны Масджиди джами»).

На самом же минарете имеется пояс куфической надписи, в конце которой сохранилось слово «همسماه» — «пятьсот», что является, несомненно, остатком даты завершения строительства.

Текст надписи красиво вписан в ленту пояса. Но здесь привлекает внимание случайная «ошибка» зодчего, что привело нас к разгадке тайны минарета. В размещении букв была допущена небольшая неточность, в результате чего кусок конечного слова остался лишним. Зодчий мог разместить этот отрезок мелкими буквами в том же поясе над нижними буквами, взамен декоративных деталей. Но он не сделал этого.

Продолжение конечного слова «ماه» читается на отдельной плитке, вставленной в узкий орнаментальный ряд над основным поясом. Как будто бы все правильно. Однако здесь можно легко заметить некоторые «странности» надписи: 1) над буквой «م» имеется небольшая шишка, напоминающая куфическое «ع»; 2) буква «ل» вырезана

⁴ تاریخ نرشخی، литография, Новая Бухара, 1904, стр. ۹۵; В. А. Нильсен, Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI—XII вв., Ташкент, 1956, стр. 145.

в виде «ل»; 3) буква «ي» имеет сходное очертание с «ب»; 4) после конечной буквы имеется лишний «ل», который соединен с предыдущей буквой. При таком рас-

ные отличия в написании букв. Взятая в рамку отдельная вставка читается так: «عمل» «بقا» — „амал-е Бако“ („работа Бако“) — имя зодчего, строившего минарет. Формула надписи, начинающаяся со слова „амал“,

положении предыдущую букву можно читать как «ق», что и подтверждается наличием двух точек над буквой, хотя в кувфической надписи различительные знаки обычно отсутствуют.

Все это, по-видимому, не случайно, ибо здесь перед нами своего рода шифр, широко распространенный на Востоке, — „муаммо“. Зодчий ясно подчеркивает все указан-

сохранилась до настоящего времени в практике народных зодчих Узбекистана. Самые ранние надписи подобного рода Известны нам по памятникам X в.⁵

Минарет Калян — архитектурный шедевр средневековья — является замечательным памятником выдающемуся зодчему Средней Азии Устод Бако Мемору.

П. Захидов

⁵L. A. Mayer. Islamic architects and their works, Geneve, 1956, pp. 41, 52, 57, 69, 76 и др.

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВОВ

ТУРКЕСТАН В МАТЕРИАЛАХ ЛИЧНОГО АРХИВА В. В. БАРТОЛЬДА

В последние годы отмечается возрастание роли и значения историографических исследований. И это вполне закономерно. Наша наука прошла длительный и сложный путь развития и по праву гордится тем большим вкладом, который она внесла в сокровищницу отечественной и мировой культуры. Естественно поэтому стремление советских историографов подытожить и осмыслить достижения отдельных отраслей науки с тем, чтобы определить наиболее целесообразные и эффективные пути и задачи дальнейшего еще более быстрого развития советской науки.

В этом плане большой интерес представляет неопубликованное научное наследие академика Василия Владимировича Бартольда (1869—1930) — его архив, хранящийся ныне в собраниях Архива Академии наук СССР в Ленинграде в качестве одного из так называемых личных фондов ученых страны¹.

Отрадно отметить, что архив В. В. Бартольда постепенно начинает привлекать к себе внимание ученых², особенно в связи с подготовкой к изданию сочинений В. В. Бартольда. Но все же не будет преувеличением сказать, что научное использование материалов личного фонда акад. В. В. Бартольда только начато и основная работа еще впереди.

¹ Архив Академии наук СССР в Ленинграде, ф. 68, оп. 1. Рукописи трудов. Материалы по деятельности и работе других лиц, 517 ед. хр.; оп. 2. Письма, 328 ед. хр.

² Общие данные об архиве см.: Архив Академии наук СССР. Обзорные архивных материалов. Том I. Под общей ред. Г. А. Князева, Л., 1933, стр. 113—114; Том II. Под общей ред. Г. А. Князева и Л. Б. Модзалевского, М.—Л., 1946, стр. 225—229 («Труды Архива АН СССР», вып. 1, 5). Составители обзоров по архиву В. В. Бартольда: П. М. Стулов (т. I), М. В. Крутикова (т. II). Пользуясь случаем, мы хотели бы отметить исключительное внимание и любезное содействие сотрудников читального зала Архива АН СССР (Т. Н. Барсукова, А. И. Васина, П. Н. Коржавин и др.), оказанное нам в процессе работы над материалами личного фонда В. В. Бартольда и в ходе переписки с архивом.

Задача данной статьи, отнюдь не претендующей на полноту освещения вопроса, — ознакомить в самых общих чертах научную общественность с теми материалами Бартольдовского архива, которые имеют прямое отношение к истории и историографии Туркестана.

Прежде всего укажем, что в составе архива имеется ряд полностью или частично неопубликованных рукописей В. В. Бартольда по истории Средней Азии. Таковы, например, «Следы греческих мифов в Средней Азии» (15 л.; д. 3, 1894); черновой экземпляр рукописи по истории Согды с древнейших времен до арабского нашествия (136 л.; д. 14, 1903—1906); курс лекций по истории Туркестана до VII в. (210 л.; д. 17, 1916—1917); план книги, посвященной народам Средней Азии (2 л.; д. 25, 1923); небольшая заметка энциклопедического характера о Куния-Ургенче (д. 68); курс «Историко-географический обзор Средней Азии» (1898—1899); план-конспект доклада 20-х годов о состоянии исследования Туркестана (д. 86); заметки к обзору и характеристика работ разряда ГАИМК по археологии Средней Азии (д. 83; 1922—1923); обзор содержания известного словаря Махмуда Кашгарского «Лугат-ат-турк» («Китаб диван лугат-ат турк») и записи по нему (д. 181) и др. (ср. ИРАН, VI серия, т. XV, Пг., 1921, стр. 184).

Внимание исследователей должны несомненно привлечь папки с различными материалами, относящимися к поездкам В. В. Бартольда в Среднюю Азию. Без подробного изучения их невозможно выяснить, какие именно материалы еще не нашли своего отражения в печатных публикациях Бартольда. Однако можно с несомненностью утверждать, что часть этих материалов осталась неопубликованной. Таковы, например, дневниковые записи и другие материалы по поездкам В. В. Бартольда в Среднюю Азию в 1894 г. (дд. 323, 324), в 1902 г. (дд. 200, 331, 332), в 1904 г. (дд. 333, 334), в 1920 г. (дд. 211, 355, 356), в 1925 г. (дд. 218, 219)³

³ В деле 218 (лл. 9—14) содержатся, в частности, весьма интересные данные об осмотре В. В. Бартольдом Ташкентского музея и библиотеки, о заседаниях Узкомстари-

и др. Подчеркнем, что во всех этих делах имеются, в частности, сделанные Бартольдом выписки из восточных рукописей и книг Туркестанской публичной библиотеки, разных личных собраний и т. д. Некоторые папки содержат в себе выписки по истории и географии Средней Азии, извлеченные Бартольдом из сочинений античных писателей, средневековых хроник и путешествий и т. п. (дд. 304, 308, 309, 310; 90-е годы XIX в.)⁴.

Заслуживает внимания дело 179 (299 лл.; 1914—1917), относящееся к серии рукописей по истории Средней Азии и содержащее подготовленный к печати на узбекском языке текст истории Хивинского ханства придворного хивинского историка Шир-Мухамеда (Мунис-мираба, ум. 1829) «Фирдаус-ал-икбал» («Райский сад счастья») ⁵.

Дело 381 заключает в себе писанную на персидском языке рукопись «О мерванитах» — записи Хайдар-шо из кишлака Поршинив на Пяндже (Шугнан), присланные В. В. Бартольду А. А. Семеновым⁶.

Среди выписок и конспектов восточных рукописей, сделанных Бартольдом в процессе работы в зарубежных (Париж, Берлин, Лондон, Оксфорд, Кембридж, Стамбул) и отечественных (в том числе туркестанских) библиотеках мы находим, в частности, «Китаб-ал-ансаб» Самани, «Матла ас-садайн» Абд ар-Раззака Самарканди, рисала Мухаммед Якуба (из истории Бухарского ханства), вафные документы областей Ферганы и Сырдарьи (в их числе документы Караскандского мазара), сочинение по новой истории Туркестана, «Четыре улуса» Улугбека, «Чингиз-наме» Ахмеда, история Кокандского ханства и Якуб-бека («Тарих-и Сафари»), «Тарих-и Хайдари», «Тарих-и Бейхаки», «Тахдид нихот ал-амакин» Бируни, «Михман-наме-и-Бухара» (история узбеков в начале XVI в.), написанная для

Худояр-хана история Кокандского ханства и др.⁷

Значительный интерес представляют папки с различными материалами, относящимися к раскопкам на Афрасиабе (Самарканд), которые, как известно, велась В. В. Бартольдом в 1904 г. Среди них — дневниковые записи Бартольда, веденные в процессе раскопок, фотографии, фиксирующие ход раскопок 1904—1905 гг., планы Афрасиаба и др. (д. 65; 1904—1905). Дело 66 содержит заметки и выписки к исторической топографии Самарканда.

Интересны и замечания Бартольда по Зерафшанской поездке В. В. Радлова⁸.

Внимание историков привлекают также хранящиеся в архиве рукописи замечаний Бартольда — оппонента по диссертации А. Н. Самойловича «Книга рассказов о битвах текинцев» (д. 58), рецензия на книгу Д. Н. Логофета «На границах Средней Азии. Путевые очерки», СПб., 1909 (д. 76).

В. В. Бартольд отмечал фантастичность исторических выводов Логофета. «Можно было думать, — писал Бартольд, — что фантастическое представление автора о прошлом края и поверхностное отношение к памятникам старины возмещается серьезным и вдумчивым отношением к вопросам современной жизни. К сожалению, автор и эти вопросы решает так же просто и столь же мало останавливается перед затруднениями, как при решении вопросов исторических и археологических».

Сохранился также отзыв Бартольда о статье В. Д. Городецкого «Где находился город Баласагун» (д. 71; 1921).

Крайне важной для характеристики прогрессивных взглядов В. В. Бартольда-востоковеда, возникавших у него в процессе изучения истории Туркестана, мы считаем хранящуюся в архиве и оставшуюся неизданной рукопись его обширной рецензии⁹

са, о встречах с М. Е. Массоном, Л. В. Ошаниным, М. С. Андреевым, Л. В. Успенским, А. В. Панковым и др.

⁴ См. также дело 59 с выписками из материалов о путешествиях по Хивинскому ханству.

⁵ Как явствует из сообщения редакционной коллегии собрания сочинений В. В. Бартольда, «подготовленные В. В. Бартольдом и хранящиеся в его архиве тексты сочинений... Муниса по истории Хивинского ханства (Фирдаус-ал-икбал)... предполагается издать особо» (В. В. Бартольд, Сочинения, т. 1, М., ИВЛ, 1963, стр. 9).

⁶ Ср. А. А. Семенов, История Шугнана. — Протоколы Туркестанского Кружка любителей археологии, XXI, Ташкент, 1917, стр. 1—III, 1—23. Как указывает составитель описи № 1, рукопись Сейид-Хайдар-шо использована Бартольдом в его статье «Мусульманская секта мерванитов» (Известия Академии наук, 1915, стр. 643—648; см. также «Мусульманский мир», 1917, № 1, стр. 5—9).

4—693

⁷ Ср. Архив..., т. II, стр. 227. Имеются также рукописи, представляющие собой подготовительные материалы Бартольда к курсу исламоведения и по вопросу о распространении буддизма в Средней Азии.

⁸ В архиве хранится также рукопись В. В. Бартольда: «Заслуги Радлова по изучению кочевых народов Средней Азии» (ф. 68, оп. 1, д. 260, лл. 1—2с.).

⁹ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, ч. 74, лл. 1—7. Дата рецензии отсутствует, но написание ее до 1900 г. несомненно. Укажем также, что в архиве Бартольда хранится машинописный текст статьи М. Тынышбаева «Краснопочеченские развалины г. Баласагун» (д. 480). В архиве Бартольда имеются и некоторые другие неопубликованные рукописи различных авторов, как например рукопись небольшой заметки Н. П. Остроумова (1920 г.) «Изображение меча Алия» (д. 183, оп. 2, лл. 134—136). Речь идет о магическом изображении данного меча («Зульфикар», украшенного рубчиками по тупой части лезвия), оттиснутом с резного деревянного клише и раздававшемся

на известную книгу Н. П. Остроумова «Сарты»¹⁰. По нашему мнению, эта рукопись — один из наиболее существенных источников к характеристике мировоззрения Бартольда.

В рецензии на книгу Остроумова («представляющую более публицистический, чем научный интерес») Бартольд касается вопроса о формировании «характера народа» и о взаимоотношениях русских с населением Туркестана. В связи с этим он пишет о необходимости изучения быта коренного населения «без фальшивой идеализации и в то же время без всяких расовых, националистических и религиозных антипатий (здесь и далее подчеркнуто нами. — Б. Л.). Необходимо помнить, что характер народа образуется под влиянием климатических и бытовых условий, причем последние далеко не одинаковы для различных классов населения; поэтому понять характер целого народа на основании наблюдений над отдельными его представителями — задача несомненно более сложная, чем полагает большинство путешественников и поверхностных наблюдателей».

Намекая далее на пристрастие Остроумова к стихам местных поэтов, содержащим восторги по адресу колониальной администрации, Бартольд пишет: «Люди, принимающие к сердцу не столько чисто государственные интересы, сколько интересы народных масс (к таким людям причисляет себя и пишущий эти строки), не будут, конечно, увлекаться стихами местных поэтов, прославляющих носителей русской власти почти в тех же выражениях (и, очевидно, с такой же искренностью и таким же бескорыстием), в каких их предшественники прославляли азиатских властителей».

ишанами защитникам Ташкента, оборонявшим город в 1865 г. Надписи арабским шрифтом: на рукоятке и отростках: «Нет героя, кроме (т. е. главнее) Алия; нет меча лучше Зульф리카ра. Отступи от нас всякую беду, о милосердный и милостливый!»; на лезвии: «Призывай Алия, проявляющего чудеса храбрости и геройства. Найди его помогающим тебе. Всякая печаль и тоска уничтожится ради пророчества твоего, о Мухаммед, и ради святости твоей, о Алий, о Праведный (Абу-Бекр), о Омар, о Омар, о Омар, о Боже!». Около рукоятки значится 1280 г. х. Черновой вариант рукописи Остроумова хранится в его архиве (ЦГА УзССР, ф. И-1009, оп. 1, д. 107, л. 51 — 51 об) со ссылкой на хранящиеся в Ташкентском музее изображения «Меча Алия»: «отпечатаны местными (сартскими) чернилами на продолговатом лоскутке русской писчей бумаги» (там же, л. 55; л. 54 — рисунок).

¹⁰ Н. П. Остроумов, Сарты. Этнографические материалы, Издание второе, дополненное, с портретами сартов, Ташкент, Издание книжного магазина «Букинист», 1896.

В другом месте Бартольд пишет: «Самаркандская (газета) «Окраина» в конце 1893 г. призывала русское население к экономической борьбе на жизнь и смерть с туземцами. Мы надеемся, что кризис разрешится более мирным путем и что без насильственных мер удастся обзудать «коммерческие аппетиты» отдельных лиц и обеспечить законные интересы народных масс, без различия религии и национальности»¹¹.

Бартольд сурово критиковал одного из воспитанников восточного факультета Петербургского университета, который в своих статьях «повторяет старый предрассудок о мусульманском фатализме, будто бы являющемся причиной культурной отсталости мусульманских народов, тогда как **всякому, знакомому с историей Востока, известно, что этот фатализм в своих фактических проявлениях ничем не отличается от христианской покорности воле Божьей и «служит» преимущественно утешением в несчастьи; никакой фатализм не мешает мусульманским государственным людям, полководцам и торговцам принимать меры к обеспечению успеха своих учреждений**»¹².

Для уяснения прогрессивных черт мировоззрения Бартольда весьма ценен также хранящийся в архиве оригинал его неопубликованной рукописи, написанной после победы Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. в России и, по всей видимости, под прямым впечатлением от нее.

«Последними событиями, — пишет Бартольд, — вновь поставлен на очередь вопрос, поднимавшийся еще прежним правительством, о ликвидации последних остатков средневекового деспотизма в азиатских владениях России. Трудность этой задачи, как вообще культурных задач России в Средней Азии, определяется тем, что здесь в состав России, в противоположность европейской России и Сибири, вошла древняя культурная страна. Кроме некоторых местностей Закавказья, в пределах России нет страны с более древней культурой, чем Туркестан.

Культурная жизнь началась в Туркестане в незапамятные времена; уже первые из дошедших до нас описаний края, относящиеся к IV в. до Р. Хр., говорят о земледельческой культуре и даже о городах... Туркестан пережил несколько нашествий и завоеваний... Еще арабские завоеватели... застали здесь тот же общественный строй, как за тысячу лет перед тем македонские...».

Далее Бартольд прослеживает процесс бюрократической централизации власти в Средней Азии при Саманидах, считая, что «в государственной жизни Туркестана были те же элементы, которые в Европе привели к образованию аристократических городских республик, потом к установлению абсолютной монархии и полицейского госу-

¹¹ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 74, л. 2 — 6.

¹² Там же, д. 75, оп. 1, л. 2 — 3.

дарства, наконец, к победе третьего сословия. Ход борьбы во многом напоминает историю борьбы королей с феодалами в За-

ной ненавистью к пришельцам, приносившим с собой господство чужого народа, чужой веры и культуры».

Василий Владимирович Бартольд. 90-е годы XIX в. (Фото из архива АН СССР).

падной Европе... Для Туркестана переход от удельной системы к ханскому единовластью, как для Европы переход от феодальных порядков к королевскому и княжескому абсолютизму, был несомненным прогрессом... В XIX в. бухарские эмиры, хивинские и кокандские ханы вывели значительную часть Туркестана из того состояния анархии и разорения, в котором она находилась во второй половине XVIII в.; гораздо хуже было состояние областей, оставшихся вне власти ханов... Однако, по словам Бартольда, завоевательные стремления Бухары были чисто династическими и не разделялись народными массами.

«...Если русские войска иногда встречали ожесточенное сопротивление, то это объясняется не преданностью (населения) своему государственному строю, но естествен-

ной ненавистью к пришельцам, приносившим с собой господство чужого народа, чужой веры и культуры».

Говоря об истоках панисламизма, Бартольд отмечал, что «до сих пор политические волнения в Бухарском ханстве и вообще в Туркестане, насколько они не вызывались просто злоупотреблениями правительства и (опричинны?; неразборчиво.— Б. Л.), должностных лиц, происходили только во имя возвращения к местному средневековому строю».

Отмечая влияние в Туркестане татарских националистов, Бартольд указывал, что «они не делали вывод... что необходимо покончить с ханствами; напротив, они считали необходимым дорожить этими остатками мусульманско-турецкой государственности и продлить их жизнь реформами хотя бы по образцу произведенных в Турции и Персии...»

Заслуживает внимания общий вывод

Бартольда: «Культуроспособность и культурные заслуги (народов Средней Азии.— *Б. Л.*) едва ли нуждаются в доказательстве; едва ли также можно поставить им в вину, что они по общему характеру своей истории, особенно в новейшее время, не могли выйти из условий средневековой жизни, когда в самой Европе в области права переход от средневековья к новому времени начался только в конце XVIII в.»

В цитированных выше строках отчетливо сказываются слабые и сильные стороны общественных воззрений Бартольда. К примеру, нельзя, конечно, согласиться с категорическим утверждением, что завоеватели-арабы застали в Средней Азии тот же самый общественный строй, как «за тысячу лет перед тем македонские». Здесь налицо дань так называемому извечному феодализму, хотя внутри этого феодального общества сам Бартольд отрицал наличие «застоя, как характерного признака Востока».

С другой стороны, любопытно мнение Бартольда, что «влияние религии на этот строй было гораздо меньше, чем обыкновенно полагают».

Мнение далекого от марксизма Бартольда, что «для Туркестана переход от удельной системы к ханскому единовластию, как для Европы переход от феодальных порядков к королевскому... абсолютизму, был несомненным прогрессом», объективно отвечало взглядам в этом вопросе основоположников научного коммунизма. Как известно, Ф. Энгельс отмечал, в частности, что королевская власть была для своего времени прогрессивным элементом, «представительницей порядка в беспорядке... в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства»¹³.

Но не будем вдаваться, в рамках нашей обзорной статьи, в подробные комментарии по исторический части отмечаемой рукописи Бартольда, сколь бы ни было это интересно с историографической точки зрения¹⁴.

В данном случае для нас более важно отметить, что в рукописи Бартольда содержатся делающие ему честь меткие наблюдения в области современных ему событий. Таковы, например, замечания по адресу, как он говорит, «татарских националистов», по существу же по адресу пантюристов и ланисламов, так называемых джадидов. Как видим, Бартольд, отнюдь не был вве-

ден в заблуждение лжеревOLUTIONНОЙ фразеологией джадидов и отметил, что последние не только не помышляли о ликвидации ханства, а наоборот, стремились к тому, чтобы «продлить их жизнь» ценой ограниченных реформ «по образцу проведенных в Турции и Персии».

Но может быть, наиболее ярко сложное переплетение старого и нового в мировоззрении В. В. Бартольда, его более или менее прогрессивных взглядов с ограниченностью его исторического кругозора сказалось в рассуждениях о будущем государственном устройстве Средней Азии. Далеко не каждый буржуазный востоковед пришел бы к выводу, что «культуроспособность и культурные заслуги (населения Средней Азии) едва ли нуждаются в доказательстве» и что коренное население края нельзя винить (по характеру его истории) в неумении выйти из условий средневековой жизни, тем паче, что и в самой Европе «переход от средневековья к новому времени начался только в конце XVIII века».

Мы нарочито воспроизвели несколько мест из различных рукописей Бартольда, чтобы показать, какой интерес и значение приобретают они для авторов монографии об этом крупнейшем русском востоковеде, которая раньше или позже, конечно, должна быть создана и в которой вопросы эволюции мировоззрения Бартольда-ученого неминуемо будут занимать отнюдь не последнее место.

Завершим нашу статью общей оценкой материалов архива Бартольда, относящихся к его связям с местными (ташкентскими, самаркандскими и другими) деятелями.

Для характеристики того, какое высокое значение придавал Бартольд работе местных деятелей на поприще изучения Туркестана и в чем он видел, в связи с этим, задачи факультета восточных языков Петербургского университета и других востоковедческих вузов, очень важны рукописные тексты двух неопубликованных лекций В. В. Бартольда студентам, кончающим курс восточного факультета университета, об их задачах в Туркестане и деятельности научных обществ¹⁵.

Бартольд указывал, что «задача... высших научно-педагогических учреждений по востоковедению, преследующих подобно нашему факультету, только научные, не практические цели, сводится поэтому... к подготовке новых специалистов по различным отраслям востоковедения, которые могли бы принять деятельное участие в работах, производящихся местными тружениками, и воспользоваться пройденной ими научной школой для того, чтобы своим словом и в особенности примером показать этим труженикам, в каком направлении они могут работать с действительной пользой для науки».

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 445.

¹⁴ Заметим только, что в связи с продолжающейся среди историков дискуссией касательно уровня экономической, политической и культурной жизни среднеазиатских ханств накануне присоединения к России продолжает сохранять свое значение следующее мнение Бартольда: «В XIX в. бухарские эмиры, хивинские и кокандские ханы вывели значительную часть Туркестана из того состояния анархии и разорения, в которых она находилась во второй половине XVIII в.»

¹⁵ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 75, лл. 1 — 31 (1900 г.).

Пользу, которую местные деятели могут приносить исторической науке, В. В. Бартольд видел в «трех видах деятельности: отыскании новых рукописей, географических и этнографических работах и собирании археологического и эпиграфического материала»¹⁶.

Закономерны поэтому и обширные связи Бартольда с местными работниками, отражением которых являются хранящиеся в архиве письма к Бартольду его туркестанских корреспондентов, среди которых преобладают любители и специалисты-востоковеды.

Таковы письма: М. С. Андреева (д. 5; 1922—1927), Э. С. Батенина (д. 16; 1919), А. З. Валидова (д. 38; 1914—1928), В. Л. Вяткина (д. 55; 1903—1914, 1921), И. И. Гейера (д. 62; 1898, 1915), В. Д. Городецкого (д. 72; 1924—1925), А. А. Диваева (д. 85; 1894—1925), А. И. Добросмыслова (д. 88; 1912), Л. А. Зимина (д. 102; 1912—1917), В. А. Каллаура (д. 109; 1899), А. Д. Калмыкова (д. 110; 1903—1906, 1927), П. А. Комарова (д. 122; 1899), Н. Кулинского (д. 129; 1921, 1923), Н. С. Лыкошина (д. 137; 1894—1921), Я. Я. Лютш (д. 141; 1907), Н. Г. Маллицкого (д. 141; 1899—1929), М. Е. Массона (д. 149; 1926—1930), В. Н. Милованова (д. 159; 1923), В. А. Мустафина (д. 166; 1908), В. П. Наливкина (д. 168; 1899), Д. И. Нечкина (д. 174; 1920—1921), Н. П. Остроумова (д. 182; 1896—1920; д. 183; 1921—1929), Н. Н. Остроумовой (д. 184; 1905—1928), Л. В. Ошанина (д. 185; 1925—1930), Н. Н. Ошаниной (д. 186), Е. М. Пещеревой (д. 194; 1930), И. Т. Пославского (д. 201; 1895—1910), Ф. В. Пояркова (д. 203; 1893), А. А. Семенова (д. 221; 1904—1930), Е. Т. Смирнова (д. 222; 1895—1896), А. Снесарева (д. 231; 1902), А. Г. Туманского (д. 239; 1894—1896), И. И. Умяикова (д. 241; 1929—1930), П. Фалева (д. 242; 1925), М. А. Цветкова (д. 253; 1912), Е. К. Бетгера (д. 275; 1925), К. Иомудского (д. 281; 1928), Н. Ф. Петровского (д. 295; 1893—1908), Семченко (д. 301; 1922), Агалкова (д. 315; 1916), Б. Н. Засыпкина (д. 317; 1928), П. Е. Кузнецова (д. 319; 1928), И. Д. Гейера (д. 328; 1915) и др.¹⁷

Кроме того, должны быть отмечены письма на имя Бартольда русских ученых (петербуржцев-ленинградцев), посвящавших свои работы истории Туркестана: Н. И. Веселовского (д. 49; 1893—1917), С. М. Дудина (д. 91), И. И. Зарубина (д. 98; 1916—1927), А. Н. Самойловича (д. 219; 1906—1929), А. Э. Шмидта (д. 260; 1921—1930), А. Ю. Якубовского (д. 265; 1926—1927), а также Н. Ф. Катанова (д. 113; 1903—1913), Е. Д. Поливанова (д. 198; 1926) и др. Часть писем некоторых ученых адресовалась Бартольду из Туркестана во время их кратковременного или длительного пре-

бывания в крае с научными целями (Веселовский, Зарубин, Самойлович, Шмидт, Якубовский).

В этой переписке можно встретить, разумеется, немало сугубо личного, бытового, семейного, т. е. данные, так сказать, интимного характера, лишённые, как правило, научного и общественного значения. Ценность переписки состоит, однако, в том, что в значительной своей части она порождалась в первую очередь или в большой мере интересами именно научного общения, и в ней можно встретить огромный запас сведений востоковедческого характера. Мы находим здесь информации о ходе археологических, этнографических, антропологических и других изысканий, сообщения о новых находках и открытиях, обмен мнениями по отдельным научным вопросам (языкознание, топонимика, географические термины восточных рукописей, нумизматика и т. п.), материалы о результатах полевых научных наблюдений, записей, разведок, материалы по организации научной, научно-краеведческой и библиографической работы, музейного и библиотечного дела, охраны памятников материальной культуры, различные сведения библиографического порядка, характеристики отдельных ученых и любителей, данные, освещающие условия их работы, окружающие общественную среду и многое другое.

Подчеркнем также, что теснейшие связи Бартольда с местными работниками, его постоянное содействие им консультациями, разъяснениями, моральной поддержкой их научно-краеведческих изысканий и живые чувства их благодарности за это красной нитью проходят через всю их переписку с Бартольдом.

«Сердечно благодарю Вас,— писал Бартольду видный этнограф А. А. Диваев,— за постоянное ко мне внимание и содействие по печатанию моих заметок» (д. 85, л. 17).

Будущий биограф Бартольда обнаружит в его переписке множество драгоценных черт к уяснению образа Бартольда—ученого и человека. Общеизвестно, что Бартольд был скуп и сдержан на внешние проявления своих чувств. С открытностью провинциального деятеля В. Л. Вяткин прямо писал в своем первом письме Бартольду, что давно хотел бы установить с ним письменную связь, но «составив о Вас из рассказов знающих Вас туркестанцев представление, как о человеке нелюдимом и несообщительном, не решился писать Вам», а теперь «сознаюсь в своей ошибке и жалею об утраченном времени» (оп. 1, д. 55, л. 1).

Свидетельством интереса В. В. Бартольда к деятельности пореволюционных среднеазиатских учреждений и организаций по охране и изучению памятников материальной культуры и его участия в их работе являются напки с материалами Самаркандской постоянной комиссии по охране памятников старины и искусства, учрежденной в 1919 г. при Самаркандском областном

¹⁶ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 75, л. 4.

¹⁷ Номера дел переписки всюду указаны по описи № 2.

комиссариате народного образования (д. 442; 1920 — 1921), Туркестанского комитета по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы, учрежденного 23 мая 1921 г. (д. 445) и аналогичного Среднеазиатского комитета, созданного в 1925 г. на базе Туркомстариса (д. 446; 1925 — 1928). Дело 448 (1920) содержит Протоколы заседаний Комиссии по принятию мер к охране архивных дел и книг и предметов старины и искусства в Старой Бухаре. К этому же циклу вопросов следует отнести дело 69 (записка об охране памятников архитектуры в Средней Азии; ок. 1918) и дело 73 (заметки, черновые записки об археологических работах в Средней Азии; 1918 — 1928).

В 1921 г. в Петрограде была образована постоянная Туркестанская комиссия ГАИМК в составе В. В. Бартольда, С. Ф. Ольденбурга, К. К. Романова, Н. Б. Бакланова,

А. П. Удаленкова, С. М. Дудина, имевшая ряд заседаний с 10 апреля 1921 г. по 9 марта 1924 г. Рукописные, подписные экземпляры протоколов хранятся в бартольдовском архиве (д. 444; лл. 1 — 122).

При всей неполноте и отрывочности приведенных нами выше данных к описанию туркестанских материалов архива акад. В. В. Бартольда, они все же достаточны для общей характеристики их высокой научной значимости.

Можно и должно пожелать, чтобы заинтересованные исследователи уделили в ближайшее время самое пристальное внимание архиву Бартольда, как и архивам других крупных востоковедов. Скорейшее и наиболее полное введение в научный обиход материалов этих архивов — задача нужная и назревающая.

Б. В. Лукин

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ЦЕННЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ АРАБОВ

До последних лет социальная история арабов в период до введения ислама была изучена недостаточно. Это объяснялось тем, что в распоряжении исследователей имелось очень мало источников по истории общественного развития Аравии до начала VII в. Слабо был освещен процесс разложения первобытно-общинного строя у северных арабских племен.

Вот почему следует всячески приветствовать выход в свет монографии известного советского ученого, члена-корреспондента Академии наук СССР Н. В. Пигулевской «Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв.»¹. Этот фундаментальный труд явился итогом более чем тридцатилетней плодотворной работы автора над проблемами истории Ближнего Востока в период между III и VII вв. н. э.

Н. В. Пигулевская уделяет главное внимание выявлению особенностей как рабовладельческой, так и феодальной формации на Ближнем Востоке, что явилось решением ключевой проблемы, позволившим дать новое направление историческим изысканиям. Автор показывает, что феодализм развивался здесь в условиях, когда рабовладение не носило всеобъемлющего характера, когда сохраняла свое значение соседская община, ремесло знало и свободного ремесленника, существовала развитая местная и транзитная, караванная и морская торговля.

Проблема арабских завоеваний, возникновения и утверждения ислама может быть разрешена лишь при глубоком изучении истории арабов в предшествующий период.

Книгой по истории арабов у границ Византии и Ирана в доисламский период Н. В. Пигулевская как бы завершает разработку проблем, которым были посвящены такие ее труды, как «Месопотамия на рубеже V и VI вв.» (1940), «Византия и Иран на рубеже VI и VII вв.» (1946), «Византия на путях в Индию» (1951), «Города Ирана в раннем средневековье» (1956, — Les villes de ciel et d'Éranien aux époques Parthe et Sass, Paris, 1963). Основной темой всех

этих исследований является история возникновения и развития феодальной общественной формации на Ближнем Востоке и ее специфические особенности.

Исследователь впервые рассматривает историю северных арабских племен в целом, в их взаимной связи. Отношения союзов арабских племен с Византией и Ираном освещаются в исторической последовательности на общем фоне экономической и политической жизни Ближнего Востока. В этих целях автором были не только заново пересмотрены все ранее известные источники, но и привлечены многие совершенно новые, до того не использованные в научном обороте документы: сабейские и химьяритские эпиграфические памятники, сирийские и греческие хроники и исторические сочинения, арабские, христианские и мусульманские летописи, греческие надписи, документы сирийских соборов, греческие и сирийские церковные истории и др.

Вместо разрозненных фактов, эпизодов из жизни отдельных княжеств воспроизводится общая история северных арабских племен, возникновения и распада их объединений, показано, как постепенно изменялись их отношения с соседними державами — Византией и Ираном, какое влияние оказывали эти государства на их кочевых и полукочевых соседей.

Новые источники позволили автору установить закономерности развития арабского общества, определить формы и уровни его социального развития, сделать новые обобщающие выводы. Автор показывает, что так называемой «магометанской революции» предшествовали глубокие социальные сдвиги в Византии и Иране, происходившие между III в. (периодом кризиса рабовладельческой формации во всех странах Средиземноморского бассейна) и VII в. (временем широкого наступления арабов). Политическая и военная история этого времени пестра событиями, в которых постоянно участвуют арабские племена и союзы племен, втянутые в войны за экономические интересы Византии и Ирана. Глубокие внутренние социальные и экономические процессы в этих государствах завершились установлением в них нового, более прогрессивно-

¹ Н. В. Пигулевская, Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М.—Л., Изд-во «Наука», 1964, 336 стр.

го по сравнению с рабовладельческим, феодального способа производства. Раннефеодальный характер общественного строя Византии и Ирана во многом обусловил и формы, сложившиеся в халифате, занявшем территории этих держав (стр. 384—385).

Н. В. Пигулевская подчеркивает, что важнейшими причинами вражды между Ираном и Византией были вопросы о границах и торговых путях, на которых они неизбежно встречали кочевые и полукочевые арабские племена. Изучение источников позволило автору показать прямую заинтересованность арабов в обмене, их непосредственное участие в торговле и транзите товаров.

Северные арабские объединения, союзы племен с их военной организацией были желанными союзниками для соперничавших держав. Сохраняя племенное и родовое деление в войске, арабы оставались еще верными принципу общинного устройства, в котором, однако, усиливался процесс социального расслоения, выделения родо-племенной знати, составлявшей господствующую верхушку. Полукочевой образ жизни арабских племен способствовал их подвижности, увеличивал их военную силу, но вместе с тем усложнял образование и развитие тех форм государственности, которые были известны и привычны древним, давно сложившимся государствам оседлых народов (стр. 286).

Параллельное изучение истории отдельных объединений северных арабских племен и царств дало автору возможность определить их общественное развитие как находящееся на уровне союза племен, переходившего к более высоким социальным формам. Образование молодых «варварских» государств складывалось в своеобразных условиях полукочевой жизни арабов.

Объединению арабов отчасти способствовало и христианство, но оно не охватило их полностью, ибо не соответствовало ни степени их развития, ни психическому складу. Для арабов более доступным оказался примитивный монотеизм Корана. Кочевому и полукочевому строю арабских племен мусульманство было ближе; у них отсутствовала та глубокая сложная культурная осно-

ва — эллинизация, которая создала благоприятные условия для утверждения христианства у других народов.

Консолидация арабских племен происходит особенно интенсивно под знаменем мусульманства, явившегося результатом синтеза элементов южноарабской оседлой культуры и своеобразных нравов и обычаев кочевых и полукочевых племен Центральной Аравии. В полной мере это сказалось на их письменности, ранних памятниках литературы. Свой новый алфавит арабы развили на основе арамейской письменности; южноарабская графика была оттеснена и забыта. Народная поэзия арабских племен вошла в качестве существенной составной части в такой памятник, как «Дни арабов», в котором воспевались сражения и битвы племен между собой. С живым устным народным творчеством связаны имена первых арабских поэтов (Харита, Амра, ал-Кинди), а также Корай. Исторические сочинения обобщили материалы из больших сабейских надписей, а также сохранили традиции генеалогий, которые высоко ценились и у других кочевых народов — тюрков, монголов (стр. 287).

Большую научную ценность представляют обобщения автора, касающиеся экономических предпосылок создания халифата. Общность экономических интересов способствовала объединению и сплочению арабов и явилась важнейшим фактором, обусловившим их широкие завоевательные походы. Если центральные области Аравии стали «колыбелью ислама», то северные арабские племена, находившиеся у границ Византии и Ирана, подготовили почву для последующего продвижения арабов в другие страны Востока. Мухаммед стал пророком не только арабов, но и всех мусульман («верных»), независимо от их этнической принадлежности, а ислам превратился в одну из главных мировых религий.

Все эти и многие другие вопросы истории арабов в доисламский период находят широкое освещение и глубокое обоснование в содержательной, основанной на прочной документальной базе работе Н. В. Пигулевской, внесшей ценный вклад в востоковедческую литературу.

М. Ю. Юлдашев

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ
95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

21 апреля 1965 г. состоялась научная сессия Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР, посвященная 95-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

На сессии было прочитано 5 докладов и одно научное сообщение. С содержательным докладом «Ленин и литература» выступил канд. филол. наук М. Бабаходжаев. Докладчик подробно осветил роль и значение идей В. И. Ленина для развития советской литературы.

Канд. филол. наук А. Сабиров в докладе «Образ Ленина в узбекском народном творчестве» высказал весьма интересные мысли об эволюции образа В. И. Ленина в легендах, песнях, сказаниях, дастанах узбекского народа.

Интересный доклад «В. И. Ленин о развитии национальных языков в условиях социализма» сделала канд. филол. наук Д. Ашурова. Она подробно остановилась на вопросах взаимообогащения и взаимовлияния русского и узбекского языков, перспективах их развития в условиях развернутого строительства коммунизма.

Канд. филол. наук З. Магруфов прочел содержательный доклад «В. И. Ленин и словарное дело в Узбекистане», в котором он подробно охарактеризовал воздействие ленинских идей на развитие теории и практики словарного дела в Узбекистане и других республиках Советского Союза.

С большим вниманием был заслушан доклад старшего преподавателя кафедры иностранных языков Института Д. Шералиевой «Иностранные языки в жизни и деятельности В. И. Ленина».

Научное сообщение «В. И. Ленин о культуре речи» сделал преподаватель Ташкентского педагогического института иностранных языков А. Маматов.

Юбилейная сессия, посвященная 95-летию со дня рождения В. И. Ленина, еще раз свидетельствовала о том плодотворном влиянии, которое оказывают на развитие филологической науки бессмертные ленинские идеи.

Ф. Юлдашева, В. Ли

МУНДАРИЖА

И. М. Мўминов. Фан ва адабиёт ижодий алоқаларини янада мустаҳкамлаш учун : : :	5
М. М. Қориев. Пахта етиштиришда моддий рағбатлантиришга доир.	8
С. М. Хўжаев. Транспорт алоқаларини тадқиқот қилиш методикаси (Ўрта Осиё республикалари мисолида)	15
А. Саидхўжаева. Санъатдаги миллийлик ва интернационаллик ҳақида.	22
Т. В. Азимов. Совет-турк алоқаларининг тарихига доир.	26
М. Ю. Юнусов. Ҳозирги замон ўзбек поэзиясидаги традиция ва новаторлик ҳақида	32

Илмий ахборот

У. Чориёрров. Ўзбекистон ССР Ревкомининг фаолияти тарихидан	37
Э. Ҳайитбоев. Фарғона областида комсомол ташкилотининг вужудга келиши (1918—1920 йиллар). (Ўзбекистон комсомолининг 40 йиллигига бағишланади)	39
К. Офаринов. Театр санъатининг тарбиявий аҳамияти ҳақида	41
Ю. Тешабоева. Ҳиндистоннинг мустақилликка эришгунига қадар мамлакатда аёлларнинг аҳволи ҳақида	42
П. Зоҳидов. Машҳур УБХоро меъмори—Устод аБко Мемор	45

Архив саҳифаларидан

Б. В. Лунин. Туркистон—В. В. Бартольднинг шахсий архиви материалларида.	48
---	----

Танқид ва библиография

М. И. Йўлдошев. Араблар тарихига оид қимматли асар.	55
---	----

Илмий ҳаёт хроникаси

Ф. Йўлдошева, В. Ли. В. И. Ленин туғилган куннинг 95 йиллигига бағишланган илмий сессия	57
---	----

СОДЕРЖАНИЕ

И. М. Муминов. За дальнейшее укрепление творческих связей науки и литературы	5
М. М. Кариев. О материальном стимулировании производства хлопка.	8
С. М. Ходжаев. Методика исследования транспортных связей (На примере республик Средней Азии)	15
А. Сандходжаева. О национальном и интернациональном в искусстве	22
Т. В. Азимов. К истории советско-турецких отношений	26
М. Ю. Юнусов. О традициях и новаторстве в современной узбекской поэзии.	32

Научные сообщения

У. Чарьяров. Из истории деятельности Ревкома Узбекской ССР.	37
Э. Хаитбаев. Возникновение комсомольской организации в Ферганской области (1918—1920 годы). (К 40-летию комсомола Узбекистана).	39
К. Офаринов. О воспитательной роли театрального искусства	41
Ю. Тешабаева. Положение женщин в Индии до провозглашения независимости страны	42
П. Захидов. Выдающийся зодчий Бухары—Устод Бако Мемор	45

По страницам архивов

Б. В. Лунин. Туркестан в материалах личного архива В. В. Бартольда.	48
---	----

Критика и библиография

М. Ю. Юлдашев. Ценный труд по истории арабов	55
--	----

Хроника научной жизни

Ф. Юлдашева, В. Ли. Научная сессия, посвященная 95-летию со дня рождения В. И. Ленина.	57
--	----

Технический редактор *Т. Ларионова*

Р08182. Сдано в набор 12/V-1965 г. Подписано к печати 17/VI-1965 г. Формат 70×108¹/₁₆—1,87 бум. л.
5,13 печ. л. Уч.-изд. л 5,0 Изд. № 1515. Тираж 1246. Цена 40 к.

Типография Издательства «Наука» УзССР, 2-я Высоковольная, 21. Заказ 693
Адрес Издательства: ул. Гоголя, 70.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛ

„ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ“

НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ 1965 года

Подписка принимается всеми отделениями и агентствами „Союзпечати“, узлами и отделениями связи, а также общественными распространителями печати по месту работы и учебы.

Подписная цена на полугодие — 2 руб. 40 коп.

Цена 40 коп.

**Индекс
75349**